

e-ISSN: 2658-5650

Министерство науки и высшего
образования
Российской Федерации

Российская академия наук

Институт научной информации
по общественным наукам

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 3(6)
2021**

МОСКВА
2021

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Редакция:

Главный редактор:

В.А. Пицальникова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора:

Л.Р. Комалова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Л.О. Бутакова – доктор филологических наук (Омск, Россия);

Н.Н. Германова – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Е.Н. Гуц – доктор филологических наук (Омск, Россия);

А.В. Кинцель – кандидат филологических наук (Барнаул, Россия);

А.В. Кирилина – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Дж. Кич-Дргас (Познань, Польша);

Е.Ф. Косиченко – доктор филологических наук (Москва, Россия);

В.В. Красных – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Н.Ф. Крюкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

Е.В. Лукашевич – доктор филологических наук (Барнаул, Россия);

А.Б. Михалёв – доктор филологических наук (Пятигорск, Россия);

Е.Ю. Мягкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

В.А. Попова – доктор филологии (Шумен, Болгария);

Д.Д. Попов – доктор филологии (Шумен, Болгария);

А.Г. Сонин – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Д.Д. Трегубова – кандидат исторических наук (Москва, Россия);

Н.Н. Трошина – кандидат филологических наук (Москва, Россия);

С.А. Чугунова – доктор филологических наук (Брянск, Россия);

Э.Б. Яковлева – доктор филологических наук (Москва, Россия);

К. Янь – кандидат филологических наук (Гуанчжоу, Китай).

Ответственный секретарь:

К.С. Карданова-Бирюкова – кандидат филологических наук (Москва, Россия)

e-ISSN: 2658-5650

Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Russian Academy
of Sciences

Institute of Scientific Information
for Social Sciences

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

SCHOLARLY JOURNAL

**№ 3(6)
2021**

MOSCOW
2021

Founder:
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials:

Editor-in-chief:

Vera Pishchalnikova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Deputy editor-in-chief:

Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Editorial board:

Larisa Butakova – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Nataliya Germanova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Elena Guts – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Alyona Kintsel – PhD in Philology (Barnaul, Russia);

Alla Kirilina – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Joanna Kic-Drgas (Poznan, Poland);

Elena Kosichenko – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Viktoriya Krasnykh – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Natalia Kryukova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Elena Lukashevich – Doctor of Science in Philology (Barnaul, Russia);

Andrey Mikhalev – Doctor of Science in Philology (Pyatigorsk, Russia);

Elena Myagkova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Velka Popova – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Dimitar Popov – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Alexandr Sonin – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Dinara Tregubova – PhD in History (Moscow, Russia);

Natalia Troshina – PhD in Philology (Moscow, Russia);

Svetlana Chugunova – Doctor of Science in Philology (Bryansk, Russia);

Emma Yakovleva – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Kai Yan – PhD in Philology (Guangzhou, China).

Executive secretary:

Kseniya Kardanova-Biryukova – PhD in Philology (Moscow, Russia)

Содержание

<i>Колесникова О.И.</i> Торжество парадокса: игры разума в медиаречи (на материале интервью с деятелями культуры)	7
<i>Масленникова Е.М.</i> Коммуникативные установки и ценностное содержание художественного текста: границы (не)понимания	19
<i>Стародубова О.Ю.</i> Прагматические и лингвистические аспекты моделирования картины мира в современной художественной прозе	30
<i>Симоненко М.А., Григорян А.Э.</i> Интерпретация иноязычного текста в свете пропозиционального подхода	41
<i>Лефанов Д.С.</i> Новые подходы к модели перевода в отечественном переводоведении	55

Contents

<i>Kolesnikova O.I.</i> Triumph of the paradox: mind games in media language (based on interviews with cultural figures)	7
<i>Maslennikova E.M.</i> Communicative goals and value content of fiction: boundaries of (not)understanding	19
<i>Starodubova O.Yu.</i> Pragmatic and linguistic aspects of modeling a picture of the world in modern fiction	30
<i>Simonenko M.A., Grigoryan A.E.</i> Interpretation of the foreign language text from the perspective of the propositional approach ...	41
<i>Lefanov D.S.</i> New approaches towards the model of translation in national Translation Studies	55

Колесникова О.И.

**Торжество парадокса: игры разума в медиаречи
(на материале интервью с деятелями культуры)***

*Вятский государственный университет,
Россия, Киров, kolesn2006@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению когнитивно-прагматических механизмов продуцирования парадоксального суждения современными деятелями культуры и искусства в процессе их интервьюирования. Объектом исследования выступает дискурсивная практика выражения мнения элитарной медиальности о явлениях культуры в форме парадокса. Цель – изучить парадоксальное высказывание как продукт работы языкового сознания и дискурсивную практику и выявить механизмы ее реализации в публичном дискурсе. В результате дискурс-анализа массива интервью в ряде СМИ установлена связь эстетикогенного характера дискурса и аксиологического уровня концептуализации явлений культурной жизни.

Ключевые слова: парадоксальное высказывание; интервью; элитарная медиальность; когнитивно-прагматические механизмы; публичный дискурс.

Поступила: 21.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Колесникова О.И., 2021

Kolesnikova O.I.

**Triumph of the paradox: mind games in media language
(based on interviews with cultural figures)***

Vyatka State University, Russia, Kirov, kolesn2006@yandex.ru

Abstract. The article is focused on identification of cognitive-pragmatic mechanisms in the production of paradoxical judgments by modern figures of culture and art in the process of their interviewing. The research object is the discursive practice of expressing the opinion of the elite media personality about various facts of culture in the form of paradox. The aim is to study paradoxical utterance as a product of the work of linguistic consciousness and discursive practice and to identify the mechanisms of its implementation in the public discourse. As a result of the discourse analysis of the array of interviews in a number of media, the connection between esthetic nature of the discourse and axiological level of conceptualization of the phenomena of cultural life is established.

Keywords: paradoxical utterance; interview; elite media personality; cognitive-pragmatic mechanisms; public discourse.

Received: 21.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Онлайн-интервьюирование в медиа, как процесс спонтанной речевой деятельности интервьюируемого лица, представляет собой специфическую – диалоговую – форму публичного дискурса, отражая «поток сознания» субъектов и давая тем самым доступ к изучению различных способов концептуализации современных явлений. В случае с культурной элитой любой фрагмент картины мира неординарного носителя национально специфичной культуры именно в интервью получает свою аксиологическую интерпретацию, и зачастую дискурсивные единицы отражают нестандартность мировидения в профессиональной сфере творящего произведения искусства мастера. Можно предполагать, что наличие того или иного способа репрезентации мнения деятеля культуры и искусства в дискурсе

* © Kolesnikova O.I., 2021

говорит об определенной особенности работы языкового сознания представителя национальной элиты.

Материалом нашего исследования являются тексты интервью с деятелями культуры и искусства, состоявшихся в эфире в программе «Культурный обмен» на канале Общественного телевидения России (ОТР), а также тексты интервью, опубликованные в электронной версии газеты «Культура» за последние несколько лет. Являясь особой формой диалога, интервью требуют, в соответствии с предложенной ван Дейком концепцией дискурса, анализа «контекстуальных моделей», т.е. прагматических аспектов дискурса, определяющих уместность или рефлексивность в коммуникативной ситуации [Dijk, 2011]. Однако в рамках данной статьи мы ограничиваемся рассмотрением одной особенности процесса реализации дискурсивной практики субъекта, представляющего «публике» (читателям, зрителям культурного поля медиа) свои, часто неожиданные суждения в форме парадокса.

В нашем исследовательском материале субъектом речепорождения выступает известное «статусное» лицо, которое, как правило, признано в социуме талантливой и неординарной личностью, достигшей определенных результатов в своей творческой деятельности (музыке, театре, изобразительном искусстве) и получившей признание в мировом или отечественном масштабе. Подчеркнем, что по ряду признаков такой носитель языка в дискурсе интервью выступает как элитарная медиаличность, т.е. продуцент речи с высоким уровнем интеллекта, проявляющегося, в частности, в продуцировании лингвокреативных высказываний.

Ряд особенностей, обуславливающих речевое поведение медийной личности, образуют «публичность в оценке новой информации»; публичное самопроявление; «индивидуализация, самодостаточность»; «свобода выражения себя, своих оценок и ценностных установок» [Болотнов, 2016, с. 8].

Элитарной языковой медиаличностью, на наш взгляд, можно считать творческого человека, способного реализовать креативные механизмы языкового сознания при репрезентации своей личностной точки зрения в интеллектуализованной форме. Свои специфические черты как носителя языка такая личность проявляет в лингвокреативных дискурсивных практиках и, в частности, в практике создания парадоксального высказывания. Парадокс, на наш взгляд, можно считать разновидностью «энергетически сильных текстов», которые, по мнению исследователей, отличает наполненность самобытным рефлексированием, особым многоуровневым видением

фактов, обогащенных образными откликами и яркой субъективной оценкой [Ерофеева, 2016, с. 120]. В современной лингвистической литературе отмечается такая мотивация к парадоксальной речи, как «неприятие догматизма», «недоверие к формально-логическим постулатам», свойственные русскому менталитету [Саркисова, 2020]. Семантико-логическим свойствам парадокса посвящены многочисленные работы (см. например: [Ганеев, 2004; Бутакова, 2015; Пигаркина, 2017] и др.), в которых данная речевая аномалия рассмотрена как средство языковой игры, т.е. рассчитанный на перлокутивный эффект искусственно создаваемый факт, утверждающий противоречие как данность.

В рамках данной статьи парадокс и его продуцирование в медиакommunikации рассматривается как один из ярких показателей активности лингвокреативности сознания говорящего (деятеля культуры и искусства). Данный показатель установлен при анализе текстов интервью с выдающимися и достигшими славы, признания или известности писателями, музыкантами, художниками, «гениями сцены», мастерами исполнительского искусства. Как правило, это неординарно мыслящие люди, и их речь привлекает внимание прежде всего смелостью мирооценок, часто не совпадающих с привычными, а мысли и позиции нередко идут вразрез с общепринятыми.

Парадокс как продукт лингвокреативного сознания

Парадоксальную речь можно трактовать в нескольких вариантах. Первый вариант: парадокс – незапланированное речевое действие, коммуникативная неудача. Парадоксальной становится речь спешащего, небрежного в речи человека, не задумывающегося о ее смысле или способе его вербализации. В данном случае парадоксальное высказывание можно признать неосознаваемой продуцентом речи ошибкой, объясняемой сбоем в смыслоформулировании. Второй вариант: парадокс может выступать как прием ложной аргументации, «запутывающей», «затемняющей» логические связи. Это нарочитое преднамеренное нарушение логики, выступающее как средство манипуляции сознанием адресата речи. Третий вариант: парадокс – сознательное отступление от логически «правильной» мысли, лингвокреативный факт, отражающий своеобразную «игру разума», или смысловую игру.

В данном случае парадоксальное высказывание как дискурсивную практику характеризуют следующие признаки: 1) в плане продуцента речи – глубина интерпретации факта, ситуации, культурного события; 2) в плане получателя, воспринимающего парадокс как «сигнал эстетической информации» [Колесникова, 2014], – специфический коммуникативный эффект, вплоть до шокового. Сущность такого эффекта заключается в деавтоматизации восприятия смысла в сознании получателя текста.

Механизм работы языкового сознания читателя / слушателя можно представить как концентрацию внимания на несопоставимых в логической плоскости семантических элементах, которая приводит к осознанию (т.е. «выведению в светлое поле сознания» [Залевская, 2014]) нарушения конвенциональных связей между репрезентируемыми понятиями. При этом в рецептивном сознании не только не исключается, но и возрастает ощущение когнитивного диссонанса аксиологических оценок, высказываемых автором парадокса. Диссонанс возникает из-за столкновения стереотипов, которые уже имеются в культурной памяти адресата, и репрезентируемой адресантом не совпадающей с ними оценки ситуации.

Нельзя не отметить также и появляющееся в рецептивной работе мысли «дешифрующее» напряжение, вызванное необходимостью соотнесения различных смысловых плоскостей при интерпретации парадоксального высказывания, а именно в процессе осознания их неожиданной совместимости логико-семантического основания. Данное явление предполагает дополнительные усилия рецептивного сознания по достраиванию затекстовых связей между обычно не сопоставляемыми объектами и реалиями. Например, читательская интерпретация фразы Тугана Сохиева, главного дирижера и музыкального руководителя Большого театра: *«это до последней капли крови честная музыка»* (ОТР, 11.12.2019) – требует поиска такой связи и в неожиданной атрибуции *музыка* → *честная* (?), и в интертекстуальном факте *до последней капли крови* (о музыке?). Решение обозначенных в скобках вопросов в рецептивном сознании снимает дешифрующее напряжение, вызванное парадоксальностью сопряженных в высказывании слов.

На уровне дискурса парадоксальное высказывание выступает таким речевым действием, которое, с одной стороны, предпринимается субъектом речи с определенной целью репрезентировать в речи свое оригинальное видение ситуации, а с другой – воспринимается читателем / слушателем как способ автора обозначить свою концептуально важную позицию и оценивается как креативное средство ее

передачи в языковой форме. Важно подчеркнуть, что при этом прагматическая установка продуцента (влияние на взгляды аудитории как условие взаимодействия участников медиакommunikации [Burton, 2010]) становится осознаваемой реципиентом. Здесь под таким влиянием мы понимаем реагирование субъекта восприятия речи как на эмоциональном, так и на интеллектуальном уровнях (условно разделяя их). Данный эффект возникает как следствие осуществленной когнитивной перестройки ментальных структур, уже закрепленных в памяти индивида в виде привычных представлений, мнений и суждений, «устоявшихся» оценок и тех или иных фрагментов универсальной картины мира человека.

В конечном счете результатом коммуникации в идеале становится «преодоление» стереотипа в коллективном сознании. Следует подчеркнуть, что, как правило, такой результат достигается на основе вовлечения адресата в более эмоциональное состояние в процессе восприятия смысла, выраженного определенными языковыми знаками (см., например: [Bamberg, 1997]), в том числе семантически трудно сопоставимыми.

На основе компонентного анализа словарных значений в семантической структуре слова «парадокс» можно выявить два ключевых когнитивно-семантических признака: «неожиданность» и «противоречие». Именно эти признаки реализуются в исследованном нами материале интервью, где парадокс выступает в двух разновидностях:

1) как неожиданное высказывание, которое резко расходится с обычным, общепринятым в социуме определенного этноса суждением о том или ином фрагменте картины мира (в нашем случае – суждением об искусстве или литературе) или в более глобальных рамках – в общемировом сообществе, характеризуемом уже не этнически специфичными представлениями, а универсальными истинами. Это может быть суждение о явлении, которое воспринимается как неожиданное, не соответствующее обычным представлениям, например: *...я полагаю, что Чехов очень сильно не любил людей* (Людмила Улицкая);

2) как глубокомысленные парадоксы-антиномии (сведение двух взаимоисключающих понятий, т.е. явно противоречивых с позиций логики), например: *без абсурдистского начала у нас вообще сложно бывает что-то понять, и я с удовольствием пользуюсь и бурлеском, и гротеском, и иронией* (Евгений Водолазкин).

Обе разновидности «запускают» в массовом сознании аудитории важный механизм «дешифровки» парадокса, т.е. поиска

логических оснований для столь смелых и неординарных суждений, противоречащих сложившимся в коллективном сознании этнокультурным стереотипам. Рассмотрим, как достигается этот эффект, побуждающий читателя / зрителя думать, рассуждать и... соглашаться, принимая парадокс как норму.

Когнитивно-прагматические механизмы продуцирования парадоксального суждения

Для достижения поставленной цели была осуществлена выборка текстов интервью с известными деятелями культуры и искусства в указанных выше медиаисточниках. Каждый из полученных текстов (всего 56) подвергался дискурс-анализу с позиций наличия ответов интервьюированного в форме парадокса. Было отобрано 40 фактов, содержащих парадоксальные суждения, в которых, как правило, опровергались стереотипы, в том числе этноспецифичные (в основном из сферы русской литературы и искусства). Полученный материал был проанализирован с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, ориентирующегося как на когнитивные, так и на коммуникативно-прагматические особенности высказывания. Были выявлены три основных механизма вербальной репрезентации ценностной точки зрения элитарной языковой личности и ее оригинальной позиции. Поскольку парадоксальность всегда возникает на основе пресуппозиционального знания, привлекаемого адресатом речи для ее интерпретации, и дальнейшего осознания его несовершенства или неправомерности, ошибочности и т.д., предлагаем с помощью примеров из материала исследования пронаблюдать соотношение стереотипного и «нового», «выводного» знания, представив их в следующих таблицах.

Первый механизм инициирует в сознании читателя / слушателя определенный «сдвиг», изменение стереотипа, чему способствует приводимая героем интервью аргументация его крайне индивидуализированной позиции, которая приводит читателя / слушателя к согласию с ним.

Второй механизм основан на сближении сущностей разного порядка, обычно несовместимых: к примеру, в следующем случае эта несовместимость обнаруживается на шкале «негативный / позитивный» признак чего-либо.

Таблица 1

Аргументированное утверждение субъективной точки зрения, противопоставляемой общепринятой

Стереотипное суждение	Оригинальное мнение
Жизнь артистов балета коротка: на пенсию они выходят в 37–40 лет.	...современный танец уникален тем, что чем старше танцовщик, тем он интереснее . У него другой взгляд, иная философия, по-другому проживается жест на сцене. И я мечтаю о том дне, когда в моей труппе появятся танцовщики за 50 лет. Сергей Смирнов, основатель «Эксцентрик-балета»

Таблица 2

Соположение несопоставимых понятий

Стереотипная позиция	Оригинальное мнение
Несопоставимость сущностей «боль» – «счастье».	<i>Парадокс театра в том, что, переживая боль, ты вдруг обретаешь счастье.</i> Виктор Рыжаков, худрук «Современника»

Третий механизм опирается на модель отрицания тождества, представляя собой резкое заявление о неверности, ошибочности какого-либо устоявшегося в культурной памяти народа мнения о том или ином явлении в литературе или искусстве.

Таблица 3

Опровержение аксиомы или общепринятого мнения через показ ее (его) несоответствия реальной ситуации

Стереотипное мнение	Оригинальное мнение
Герои русской литературы XIX в. – типичные представители русского дворянства.	...кто, собственно, страну-то строил, если представлять нашу историю лишь по русским романам? Онегин, Печорин, Обломов, Чацкий, русские герои на раневу у Тургенева, которые по большей части рефлексировали и занимались частной жизнью? Индивидуалисты, эгоисты, фантастические герои Достоевского и чеховские интеллигенты? Ничего типичного ни в них, ни в их обстоятельствах на самом деле не было. Это все скорее исключения, единичные случаи, чем они и интересны. Алексей Варламов, писатель

Этот же механизм, на наш взгляд, действует при «низвержении с пьедестала» кумиров, вплоть до своего рода разоблачения. Наиболее интересная форма его реализации в речи – «предъявление» парадоксального суждения в скрытой, с позиций языковой структуры, форме. В таких высказываниях суждение продуцируется с крайне субъективной точки зрения и резко расходится с общепринятой оценкой. Автор речи, имея свое собственное мнение о тех или иных явлениях в искусстве или литературе, судит о них в принципиально иных, чем это принято в профессиональном сообществе, координатах. Покажем этот вид на примере двух из целой серии высказываний в тексте интервью Юрия Купера – художника, пишущего своеобразным методом: грязной кистью на ржавом железе или старой фанере. О художниках-шестидесятниках из группы «Лианозово» он отзывался так: *...что их отличало? Это нежелание обращаться к реальности, т.е. к реальному миру. Это был такой провинциальный сюрреализм, который уже в Европе как бы заканчивался. / Ну что это? Это бренды русские: водка, селедка, газета «Правда».* («Культурный обмен», ОРТ). Здесь этноспецифичные ценности («бренды») приводятся, на наш взгляд, не столько для снижения ранга значимости авангардного неконформистского движения в живописи, сколько для объяснения личностного понимания Купера общепринятой концептуальной оценки роли шестидесятников в искусстве.

Выводы

Резюмируем результаты проведенного анализа в следующих положениях.

1. Парадокс в дискурсивной практике как поле реализации одной из особенностей работы языкового сознания элитарной медиальности – представителя национальной культуры – можно считать достаточно частотным лингвокреативным действием, позволяющим утверждать, что при передаче продукта интерпретации культурно значимого события / ситуации превалирует прагматическая установка индивида передать свое оригинальное мнение через опровержение стереотипа. Данное явление в дискурсе интервью можно считать «торжеством парадокса», которое проявляется в активном подключении того или иного из описанных выше трех когнитивных механизмов в сознании адресанта речи.

2. Парадоксальная форма репрезентации мнения выдающегося деятеля культуры и искусства (композитора, хореографа, художника и т.д.) оптимизирует передачу личностного смысла и в современном медиадискурсе может выступать способом репрезентации главной ценностной установки, жизненного или профессионального кредо героя интервью.

3. Прагматические интенции адресанта в основном реализуются в двух формах: в виде внутреннего парадокса (в неявной форме, с опорой на пресуппозиции) и в виде явного парадокса, в котором четко демонстрируется отрицание тождества каких-либо явлений, в том числе в рамках этнокультурных стереотипов.

4. Парадоксальные высказывания можно считать одним из способов реализации в публичном дискурсе особой коммуникативно-речевой стратегии – «прагмаэстетической», связанной в данном случае с игрой смыслами. Сущность данной стратегии обнаруживается в поиске субъекта языковых способов креативного самовыражения в процессе вербализации нестандартного суждения, оригинальной мысли. В то же время это – факт «мягкого» воздействия на ценностную систему адресата.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает связь эстетикогенного характера русскоязычного дискурса (как и способа мыслеформулирования и продуцирования речи элитарной медиальностью) и аксиологического уровня концептуализации. Данная связь обнаруживается в особой дискурсивной практике «игры разума» на основе столкновения несопоставимых смысловых плоскостей. Парадокс является одним из способов репрезентации элитарным носителем национальной культуры косвенной оценки, усиливающим эффект в трансляции своего оригинального мнения посредством опровержения тех или иных этнокультурных стереотипов.

Список литературы

- Болотнов А.В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2016. – 39 с.
- Бутакова А.Д. Семантические парадоксы в условиях языковой игры (на материале периодики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 19 с.
- Ганеев Б.Т. Противоречия в языке и речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2004. – 39 с.

- Ерофеева И.В.* Языковая модель эффективности современного журналистского текста // Язык в различных сферах коммуникации. Материалы II Международной научной конференции. – 2016. – С. 119–121.
- Залевская А.А.* Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. – Москва ; Берлин, 2014. – 328 с.
- Колесникова О.И.* Сигналы эстетической информации как факторы персуазивности в книжной рекламе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета : научный журнал. – Киров, 2014. – № 4. – С. 100–108.
- Пигаркина Е.А.* Парадокс как средство смыслообразования в художественном тексте (на материале произведений О. Уайльда) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2017. – 22 с.
- Саркисова А.Ю.* Аксиологические фрагменты русского языкового сознания, вербализованные в парадоксальных высказываниях // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4(210). – С. 102–109.
- Bamberg M.* Language, concepts, and emotions: the role of language in the construction of emotions // Language Sciences. – 1997. – N 19(4). – URL: <https://www.massey.ac.nz/~alock/virtual/bamberg.htm>
- Burton G.* Media and society: critical perspectives. – Berkshire, England : Open University Press, 2010. – 378 p.
- Dijk van A.* Discourse studies and hermeneutics // Discourse Studies. – 2011. – Vol. 13(5). – P. 609–621.
- Interview as a genre of new media communication: rhetorical relations and pragmatic effects / *Kovtunen I.V., Borisenko V.A., Bylkova S.V., Minakova N.A., Rogacheva V.I.* // *XLinguae*. – 2018. – Vol. 11, Issue 2. – P. 95–105.

References¹

- Bolotnov, A.V.* (2016). *Idiostil' informacionno-medijnoj yazykovoj lichnosti: kommunikativno-kognitivnye aspekty issledovaniya*. (Unpublished doctoral thesis). Tomsk.
- Butakova, A.D.* (2015). *Semanticheskie paradoksy v usloviyah yazykovoj igry (na materialе periodiki)*. (Unpublished doctoral thesis). Volgograd.
- Ganeev, B.T.* (2004). *Protivorechiya v yazyke i rech'i*. (Unpublished doctoral thesis). Ufa.
- Erofeeva, I.V.* (2016). *Yazykovaya model' effektivnosti sovremennogo zhurnalistskogo teksta*. In: *Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (pp. 119–121).
- Zallevskaya, A.A.* (2014). *Chto tam – za slovom? Voprosy interfejsnoj teorii znacheniya slova*. Moscow, Berlin.
- Kolesnikova, O.I.* (2014). *Signaly esteticheskoy informacii kak faktory persuzivnosti v knizhnoj reklame*. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: nauchnyj zhurnal*, 4, 100–108.
- Pigarkina, E.A.* (2017). *Paradoks kak sredstvo smysloobrazovaniya v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij O. Wild)*. (Unpublished doctoral thesis). Tver.

¹ Здесь и далее библиографические записи в разделе References оформлены в соответствии со стилем «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

- Sarkisova, A.Yu. (2020). Aksiologicheskie fragmenty russkogo yazykovogo soznaniya, verbalizovannye v paradoksal'nyh vyskazyvaniyah. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 4(210), 102–109.
- Bamberg, M. (1997). Language, concepts, and emotions: the role of language in the construction of emotions. *Language Sciences*, 19(4). Retrieved from <https://www.massey.ac.nz/~alock/virtual/bamberg.htm>
- Burton, G. (2010). *Media and society: critical perspectives*. Berkshire, England: Open University Press.
- van Dijk, A. (2011). Discourse studies and hermeneutics. *Discourse Studies*, 13(5), 609–621.
- Kovtunenکو, I.V., Borisenko, V.A., Bylkova, S.V., Minakova, N.A., Rogacheva, V.I. (2018). Interview as a genre of new media communication: rhetorical relations and pragmatic effects. *XLinguae*, 11(2), 95–105.

Масленникова Е.М.

**Коммуникативные установки и ценностное содержание
художественного текста: границы (не)понимания ***

*Тверской государственной университет,
Россия, Тверь, e-maslennikova@inbox.ru*

Аннотация. В статье обсуждается проблема непонимания коммуникативных установок и ценностного содержания текста. Успешное понимание текста, заложенных в нем автором коммуникативных установок и национально-специфичных ценностей, а также эмоционально-оценочное восприятие текста предполагает наличие у читателя достаточно развитого информационного тезауруса, включающего собственно лингвистическое знания, экстралингвистические (энциклопедические) знания и метаинформацию об организации конкретной информации. В статье представлены внешние причины, предопределяющие вариативность понимания художественного текста.

Ключевые слова: художественный текст; межкультурная коммуникация; понимание; перевод; информация.

Поступила: 04.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Масленникова Е.М., 2021

Maslennikova E.M.

**Communicative goals and value content of fiction:
boundaries of (not)understanding***

*Tver State University,
Russia, Tver, e-maslennikova@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the problem of understanding and misunderstanding of communicative goals and value content of a text. Readers should possess a sufficiently developed information thesaurus to understand texts, their communicative goals and nationally specific values suggested by their authors, as well as the emotional-evaluative perception of the text. Readers should have linguistic knowledge, extra-linguistic (encyclopaedic) knowledge and metainformation about the organization of specifically given information. The article discusses external reasons that predetermine the variability of understanding of a literary text.

Keywords: literary text; intercultural communication; understanding; translation; information.

Received: 04.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Основные понятия

Художественный текст транслирует национально-специфические составляющие конкретной лингвокультурной общности, ее ценности, понятия, концепты, образы. Понимание текста предполагает его рассмотрение читателем как интерпретирующим субъектом в границах определенного ментального пространства.

Н.А. Рубакин [Рубакин, 1929] отмечал, что читатель не извлекает информацию и смысл из книги, а вкладывает в нее собственные смыслы и приписывает книге содержание, исходя из собственных представлений.

Смысловое пространство текста актуализируется только при обращении к тексту и в момент этого обращения.

* © Maslennikova E.M., 2021

Вариативность понимания художественного текста зависит от внутренних свойств и параметров текста, обусловленных его спецификацией, и от ряда внешних причин [Масленникова, 2012].

Внутренние свойства художественного текста – это: 1) многозначность; 2) амбивалентность семантики, позволяющая проследить связи слова и определить пределы его рефлексивности как взаимобратимости на себя и на широкий / узкий контекст; 3) полифоничность; 4) тип языка (жесткий или мягкий), позволяющий прогнозировать смысловое содержание текста; 5) тип текстопостроения; 6) клишированность / неклишированность структуры.

К внешним причинам, предопределяющим вариативность понимания художественного текста, относятся: 1) личные особенности читателя, усматривающего в тексте заложенные в нем авторские смыслы и / или приписывающего тексту личные смыслы; 2) коммуникативная установка читателя; 3) различия в индивидуальном опыте читателей; 4) временной фактор как пространственно-временной барьер, отделяющий читателя от автора; 5) национально-специфические компоненты культуры.

Переводчик как первичный читатель текста, изначально созданного автором для «своего» читателя из системы переводящего языка и культуры, относительно свободен в выборе путей поиска смысла.

Аналитика художественных произведений

Материалом для настоящей статьи послужили переводы произведений русских авторов на английский и французский языки, а английских авторов – на русский язык.

Селективный характер чтения и понимания («что–есть–текст–для–меня–здесь–и–сейчас») обусловлен также тем, что читатель может ориентироваться в первую очередь на информацию, релевантную контексту, и на отдельные элементы, которые оказываются и / или признаются контекстуально приоритетными в конкретный момент обращения к тексту. Например, в балладе «The Ballad of Reading Gaol» (1898) английского писателя и поэта О. Уайльда (1854–1900) нашла отражение легенда о немецком поэте-миннезингере Тангейзере, согласно которой Папа Римский назвал невозможным даровать ему отпущение грехов, так же как и невозможным цветение папского посоха. Расцветший посох явил миру прощение, дарованное Богом, а не людьми (*Since the barren*

staff the pilgrim bore / Bloomed in the great Pope's sight?). В «Балладе Рэдингской тюрьмы», переведенной Н. Воронель (1960), нет упоминания о Папе Римском, а *посох* стал целым *кустом*, т.е. читателю потребуются определенные усилия по расшифровке подтекста (*С тех пор как посох стал кустом / У странника в руках?*). Исторически английское слово *pilgrim* 'пилигрим, паломник; странник' обозначало странствующего богомольца, отправившегося на поклонение к святым местам, чтобы обрести душевную благодать. Переводчики начала XX в. оказались ближе к содержащемуся в тексте универсальному прецедентному феномену. К. Бальмонт в «Балладе Рэдингской тюрьмы» (1904) перечисляет основные составляющие, которые задают алгоритм его восприятия (*Пред папой – посох пилигрима / Вдруг все одел цвета!*). А В. Брюсов в своей «Балладе Рэдингской тюрьмы» (1915) восстанавливает имя как знак мифа (*С тех пор как посох Парсифаля / Цветами вдруг пророс?*), но это уже другой миф – миф о *Парсифале*, одном из героев цикла сказаний о короле Артуре. Личности *Парсифаля* и *Тангейзера* объединяет идея покаяния и дарованного отпущения грехов.

Приписывание тексту актуализируемого современного смысла зависит от изначальной коммуникативной установки читателя, предопределяющей в значительной мере «перепонимание» авторской установки под влиянием внешних и внутренних условий (особенности принимающей культуры, идеологические требования и / или ограничения, эстетическая позиция, имеющаяся система знаний и представлений и т.д.). Так, исследователи конца XX в. обнаруживают в шекспировских сонетах 35 и 36 «уайльдовские мотивы расплаты за постыдную любовь» [Гарин, 1994, с. 101], а советские шекспироведы середины XX в. видят в сонетном цикле «грозовые раскаты <...> гражданской войны и буржуазной революции» [Елистратова, 1949, с. 374], т.е. имеет место коррекция текста оригинала относительно иного социокультурного фона, отличительного для каждой эпохи. Если отталкиваться от предложенного Т.М. Дридзе понятия «смысловые ножницы» [Дридзе, 1984], то читатель отсекает не только всё непонятое как ненужное в текущий момент, исходя из принципа «что–есть–текст–для–меня–здесь–и–сейчас», но и то, с чем он в силу каких-либо обстоятельств не согласен.

Коммуникативная авторская интенция обуславливает выбор ключевых слов, их размещение в микро- и макроконтекстах, выбор стилистического приема и задает соответствующий стилистический смысл: «необходимость вербализировать внеязыковую референтную ситуацию через набор денотатов, несущих предметно-

логическое значение и передающих смысл высказывания, сама по себе порождает коннотативные смыслы: выбрать речевое средство – значит “как-то отнестись” и к речи и к выраженной им реальности» [Винокур, 1989, с. 18]. Поскольку перевод всегда реализуется в определенной социально-исторической и культурной обстановке, переводчики могут фиксировать актуальное в соответствии со сценарием «своего» времени. Когда рефлексия обращена на опыт переводчика и его переживание текста, то возникает новая иерархия ценностей. Иерархия антиценностей 1980-х годов заставляет переводчиков увидеть в строке шекспировского сонета 66 (*And gilded honour shamefully misplac'd...*) Пустоту, чья вся в наградах грудь (Р. Винонен, 1971) и *срам орденов и галунов* (В. Орёл, 1982).

Языковая личность переводчика акцентирует себя, на первый план выходят ценностные ориентации, наиболее актуальные для принимающей культуры. Так, переводчик басни «Мешок» (1809) И.А. Крылова (1768/69–1844) на французский язык поэт Франсуа-Огюст Парсеваль-Гранмезон / François-Auguste Parseval-Grandmaison (1759–1834) в своем переводе «Le Sac» обличает жадных предпринимателей, наживших состояние на войне (*Cette fable est pour vous, entrepreneurs avides, / Traitans qu'ont enrichis la guerre et ses subsides*), тогда как оригинал направлен против *откупщиков*, т.е. против тех, кто выкупил право на получение какого-либо вида государственных налогов. Чаще всего имеется в виду винный откуп. Если в оригинале у недавно разбогатевших богачей в друзьях оказались *графы и князья*, а в карты они играют теперь с *вельможей*, где раньше *они не смели сесть в прихожей*, то в переводе богач принят ко двору и пожимает руки министрам (*Vous serrez la main des ministres*). Таким образом, происходит определенная переориентация текста относительно актуальной на тот момент ситуации для принимающего вторичный текст социума.

Постоянная соотнесенность с конкретной ситуацией, репрезентируемой в тексте, позволяет говорить об интерпретационно-прогностическом характере текстовой коммуникации, когда деятельность читателя, в том числе переводчика как первичного читателя, находится под влиянием индивидуально-психических и социальных факторов.

Как подчеркивает В.А. Пищальникова, «личностный смысл – это модель, отображающая результат конкретной деятельности индивида», которая «задается отношением мотива, цели, условий деятельности» [Пищальникова, 2005, с. 287]. Столкновение в тексте Миров автора и читателя через получаемые проекции текста пред-

полагает актуализацию отдельных параметров их личностей, что также предопределяет выбор стратегий ассоциирования, которые, в свою очередь, зависят от культурной составляющей текстовой коммуникации. Личностное представление о тексте, его авторе, представленной ситуации и т.д. определяется внутренним контекстом читателя как внешнего наблюдателя. Видение ситуации, равно как и вхождение в нее, связано с определенными схемами знания.

Шотландский поэт Р. Бёрнс (1759–1796) в поэме «Там О’Shanter» / «Тэм О’Шэнтер» (1790) в числе страшных преступлений называет убийство отца, которому сын перерезал горло ножом. В.Д. Костомаров (1861) изменяет объект нападения (*зарезал сын родную мать*), конкретизировав оружие (*ножик ржавый*). Эмоциональность эпизода в изложении переводчика XIX в. добавляет эпитет (*родную мать*). Переводчик XX в. С.Я. Маршак (1950) постарался отдалить страшное событие от читателя (*Один кинжал, хранивший след / Отцеубийства древних лет*)¹. На столе во время шабаша оказываются языки трех адвокатов (*Three lawyers’ tongues*) и три черных сердца церковников (*Three priests’ hearts, rotten, black as muck*), причем для наименования последних было выбрано существительное *priest*, чаще всего используемое в отношении католического священнослужителя. Оставив адвокатов (*три трупа адвокатов*), В.Д. Костомаров убирает упоминание о священниках. С.Я. Маршак избегает скользкой темы (*Но тайну остальных улик / Не в силах рассказать язык*). Для описания жертвы преступления современный переводчик Ю. Князев (2003), опубликовавший свой перевод в Интернете (<http://lib.ru/POEZIQ/BERNS/burns2.txt#321>), выбирает просторечно-разговорную форму (*Папашу свой же сын зарезал*), а также сохраняет *три языка трех адвокатов* и *три сердца пресвятыя отцов*.

Наряду с экстралингвистическими компонентами сообщения на степень открытости текста для интерпретации и читательской рефлексии влияет знакомство с традициями и правилами кодирования соответствующих смыслов, в том числе культурно-значимых и / или экзистенциальных. Рассмотрим выражения *of the old school* ‘старой школы, старой закалки’ и *old school tie* ‘старые школьные связи, узы, связывающие выпускников одного привилегированно-

¹ Отметим, что по данным «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru) и поискового онлайн-сервиса «Books Ngram Viewer» (<https://books.google.com/ngrams>) словосочетание *родную мать* имеет стабильную частотность и часто встречается в криминальных контекстах.

го учебного заведения'. Образы представителей *the old school*, старающихся сохранять приверженность консервативным взглядам и идеалам, старомодной одежде, широко представлены в английской литературе. Английские писатели часто обращаются к ностальгическим воспоминаниям о былом величии и могуществе страны, создавая образы героев на основе сложившихся лингвокультурных типажей с опорой на их характерные признаки (см. подробнее о лингвокультурных типажах в: [Карасик, 2010] и др.). В приводимом ниже примере главное в характеристике персонажа из романа «Curtain: Poirot's Last Case» (1975) А. Кристи (1890–1976) не его возраст, как утверждает переводчик (*типичная развалина*), а то, что он – приверженец старых идей и традиций: *Run by one of your so British old Colonels – very 'old school tie' and 'Poona'*. А. Christie. Curtain: Poirot's Last Case ↔ *Делами ведает некий старый британский полковник, типичная развалина*. А. Кристи. Занавес (Перевод С.Н. Шпака, 1991).

Выражение *old school tie* (буквально 'галстук старой школы') связано с традицией выпускников привилегированных частных школ носить галстук определенной цветовой расцветки, что позволяет определить «своих» как равных, поэтому галстук как часть прежней школьной формы указывает на социальную принадлежность человека. Во время британского правления в индийском городе *Poona* располагалась военная база, т.е. автор дает косвенное указание на место службы своего героя в колониях: *Его владелец – один из ваших полковников, таких британских до кончиков ногтей. Старая колониальная школа*. А. Кристи. Занавес: Последнее дело Пуаро (Перевод Е. Фрадкиной, 2000).

Вторичный текст как результат комплексной переводческой деятельности становится носителем социальной памяти, но возникает вероятность совмещения разноуровневых и одновременных событий. Прослеживается тенденция «пересматривать» оригинал, проецируя на него ценности своей группы и / или социума, которые берутся как эталон. При этом выстраиваемый модельный мир корректируется относительно внутреннего мира интерпретатора. Гендерная принадлежность переводчика как активного интерпретатора текста также находит свое отражение в получаемой текстовой проекции. Например, детский стишок «Mother may I go and bathe?» из «Mother Goose Rhymes» строится по принципу «вопрос – ответ»: дочка (*darling daughter*) просит у мамы разрешения пойти купаться. «Мужские» переводы И. Родина (*можно искупаться*) и Г. Варденги (*можно мне поплавать*) носят обезличенный харак-

тер. Третий «мужской» перевод Ю. Сабанцева начинается с просторечного обращения к мамане. В «женский» детализированный перевод Т.И. Поповой, расшифровавшей *clothes* как *носочки* и *платье*, попадает *мамулечка*, которая ищет *купальник* дочери.

«Плотность» ментального пространства определяется его культурной напряженностью. Интерпретация предполагает поиск подтекстовых смыслов, тогда как обращение к инокультурному тексту приводит к расширению границ культурного диапазона, но «перепонимание» текста способно привести к сбоям в системе передаваемых культурных ценностей.

В повести «Peter Pan» (1904) Дж. Барри (1860–1937) фея по имени *Tinker Bell* постоянно сопровождает главного героя. Поскольку, «когда коммуниканты придают особое значение правильности интерпретации (пониманию) письменного сообщения, письменные тексты всегда содержат дополнительные сведения, облегчающие адресату восстановление структуры» коммуникативного акта [Тарасов, 1979, с. 101], то автор, во-первых, объясняет происхождение имени *Tinker Bell* издаваемыми звуками *like a tinkle of bells*, во-вторых, дает описание ее внешности, отмечая с чисто викторианской сдержанностью склонность феи к полноте (*inclined to embonpoint*). Читатель узнает, что фея отличается чрезмерной заботой об одежде и внешности, вздорным поведением, ревниво относится к Венди, ругается, а подобные черты поведения выдают, по мнению К. Фокс [Фокс, 2011], низкое социальное происхождение индивида или, словами героя повести, *a common fairy*, которая к тому же занимается неприемлемым для настоящей леди физическим трудом (*she mends pots and kettles*). Дж. Барри тонко отмечает все социальные нюансы: герой упоминает о низком происхождении феи (*quite a common fairy*) для того, чтобы извинить ее поведение и грубость. Будучи простого происхождения, фея не может справиться со своими эмоциями (*face was still distorted with passion*) и грубит (*using offensive language*). И. Токмакова (1981) сочиняет рабочую биографию феи (*Она летала от одного дома к другому <...> и своим мелодичным голоском вызванивала: «Чинить-паять, кастрюльки починять»*), добавляя примету старого русского быта с бродячими ремесленниками (*чинить-паять*).

В силу нахождения в одном культурном пространстве коммуникативные установки, ценности, этические и эстетические нормы, эксплицитно и имплицитно включенные в текст символы считаются и, наоборот, при расхождении культурных про-

странств и / или их удалении друг от друга, они, оставшись непопнятыми, исчезают или теряются.

В английских аристократических семьях существовала традиция, предписывающая сыну идти по стопам отца и поступать на службу во флот или армию. Часто в семейных хрониках содержалось упоминание о великих военачальниках, адмиралах и полководцах, под чьим началом служили предки. В следующем отрывке из рассказа «The Cretan Bull» (1939) А. Кристи упоминается имя прославленного английского мореплавателя *Walter Raleigh*, принявшего участие в разгроме испанской «Непобедимой Армады» в 1588 г.: *Hugh's the only son. He went into the Army – all the Chandlers are sailors – it's a sort of tradition – ever since Sir Gilbert Chandler sailed with Sir Walter Raleigh in fifteen-something-or-other.* А. Christie. The Cretan Bull.

В рассказе указывается, что поместье, где происходят основные события, принадлежит семье со времен королевы Елизаветы I (1533–1603):... *it has been in the Chandler family since the time of Elizabeth.* А. Christie. The Cretan Bull. В. Тирдатов (2003) восстанавливает лауну через комментарий в сноске, уточняя, что «Роли Уолтер (1554–1618) – английский мореплаватель». Внимательный и эрудированный читатель, знающий, что благодаря своим морским успехам, мореплаватель, пользовавшийся королевской милостью, получил рыцарство, построит причинно-следственную цепочку: если предок героя плавал с сэром *Роли*, то и поместье могло быть даровано ему королевой: *Хью – единственный сын. Он пошел служить во флот – все Чандлеры моряки; это стало традицией с тех пор, как сэр Гилберт Чандлер плавал с сэром Уолтером Роли в тысяча пятьсот каком-то году.* А. Кристи. Критский бык (перевод В.В. Тирдатова).

Для имени *Walter Raleigh* в русском языке имеется несколько отличающихся друг от друга соответствий-дублетов: *Уолтер Роли / Рали / Рэли / Ралей / Рейли*. Тем не менее в одном из переводов рассказа появляется неизвестный мореплаватель по имени *Уолтер Ральф*, из-за чего временная соотнесенность оказывается нарушенной в силу ложной атрибуции актуализируемых в тексте событий и / или действий: *Хьюго – единственный ребенок в семье. Он поступил в военно-морской флот: все Чандлеры – моряки, это своеобразная традиция, она тянется приблизительно с пятнадцатого века, когда сэр Гилберт Чандлер плавал с сэром Уолтером Ральфом.* А. Кристи. Критский бык (перевод Л. Жуковой, 1991).

Выводы

С увеличением пространственно-временной дистанции, разделяющей автора и читателя, снижается уровень декодирования первичной информации, т.е. действует обратно пропорциональная зависимость. Временные параметры определяют объем информационной базы и когнитивного опыта, имеющихся у индивида, который работает в соответствующей когнитивно-дискурсивной парадигме. Когда переводчик руководствуется собственной системой установок, то вторичный текст получает качественные и ценностно-смысловые изменения. Становится возможным приписывать тексту новые коммуникативные статусы, усиливать / ослаблять исходный контекст, обогащать / ослаблять ценностный компонент Мира текста. Изменение норм и ценностей, заложенных в оригинал автором, подразумевает полное или частичное преобразование Мира текста в соответствии с новыми условиями и целями переводческой деятельности. Возможны изменения в осознаваемых и неосознаваемых ценностях и ценностных ориентирах, присущих культурному социуму.

Список литературы

- Винокур Т.Г.* К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. – Москва : Наука, 1989. – С. 11–23.
- Гарин И.И.* Поэты и пророки. – Москва : Терра, 1994. – Т. 6. – 606 с.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – Москва : Наука, 1984. – 268 с.
- Елистратова А.* Живое создание поэзии // Новые успехи советской литературы. – Москва : Советский писатель, 1949. – С. 370–378.
- Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.
- Масленникова Е.М.* Художественный перевод: модели и моделирование. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2012. – 184 с.
- Пицальникова В.А.* История и теория психолингвистики. – Москва : МГЛУ, 2005. – 296 с.
- Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги. Краткое введение в библиографическую психологию. – Москва ; Ленинград : Гос. изд., 1929. – 308 с.
- Тарасов Е.Ф.* К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – Москва : Наука, 1979. – С. 5–147.
- Фокс К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – Москва : Рипол классик, 2011. – 512 с.

References

- Vinokur, T.G. (1989). K kharakteristike govoryashchego. Intentsiya i reaktsiya [To the characteristics of the speaker. Intention and reaction]. In: Shmelev, D.N. (Ed.), *Yazyk i lichnost'* [Language and personality] (pp. 11–23). Moscow: Nauka.
- Garin, I.I. (1994). *Poety i proroki* [Poets and Prophets]. Vol. 6. Moscow: Terra.
- Dridze, T.M. (1984). *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii* [Textual activity in the structure of social communication]. Moscow: Nauka.
- Yelistratova, A. (1949). Zhivoye sozdaniye poezii [Living creation of poetry]. In: *Novyye uspekhi sovetskoy literatury* [New successes of Soviet literature]. Moscow: Soviet Writer.
- Karasik, V.I. (2010). *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Linguistic crystallization of meaning]. Volgograd: Paradigma.
- Maslennikova, E.M. (2012). *Khudozhestvennyy perevod: modeli i modelirovaniye* [Literary translation: models and modelling]. Tver: Tver State University.
- Pishchalnikova, V.A. (2005). *Istoriya i teoriya psikholingvistiki* [History and theory of psycholinguistics]. Moscow: Moscow State Linguistic University.
- Rubakin, N.A. (1929). *Psikhologiya chitatelya i knigi. Kratkoye vvedeniye v bibliograficheskuyu psikhologiyu* [Psychology of the reader and the book. A Brief Introduction to Bibliographic Psychology]. Moscow; Leningrad: State Publishing House of the RSFSR.
- Tarasov, E.F. (1979). K postroyeniye teorii rechevoy kommunikatsii [Towards the construction of the theory of speech communication]. In: *Teoreticheskiye i prikladnyye problemy rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied problems of speech communication]. Moscow, Nauka.
- Fox, K. (2011). *Nablyudaya za anglichanami. Skrytyye pravila povedeniya* [Watching the British. The Hidden Rules of English Behaviour]. Moscow: Ripol Classic.

Стародубова О.Ю.

**Прагматические и лингвистические аспекты
моделирования картины мира
в современной художественной прозе*¹**

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, oystarodubova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются прагматические и лингвистические механизмы конструирования картины мира – универсальных и национальных базовых ценностей с позиций моделирования вторичной действительности сквозь призму субъектного начала в современной малой прозе. На основе эмпирического исследования рассказа «Скатина» (О. Бондаренко, 2019) прослеживаются механизмы моделирования вектора оценки и интерпретации нарратива со стороны читателя. Особое внимание уделяется анализу способа введения в текст действующих лиц рассказа, образы которых эксплицируют ценностные установки современного общества, представленные ключевыми концептами, носителями которых являются действующие лица рассказа, а их интродукция и индикация иллюстрируют очевидные авторские предпочтения.

Ключевые слова: художественный дискурс; субъект; лингвокогнитивное моделирование (ЛКМ); прагматические и лингвистические аспекты моделирования; картина мира.

Поступила: 04.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Стародубова О.Ю., 2021

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Фондом В. Потанина научного проекта № ГК200000305

Starodubova O.Yu.

**Pragmatic and linguistic aspects of modeling
a picture of the world in modern fiction***

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, oystarodubova@mail.ru*

Abstract. The article examines the pragmatic and linguistic mechanisms of constructing a world picture universal and national basic values from the viewpoint of modeling secondary reality through the prism of the subjective principle in modern small prose. Based on the empirical study of the story «Skatina» by O. Bondarenko (2019), we explore the mechanisms of modeling the vector of assessment and interpretation of the narrative by the reader. Particular attention is paid to the analysis of the way of introducing the characters of the story into the text, the images of which explicate the value attitudes of modern society, represented by the key concepts, the carriers of which are the characters of the story, and their introduction and indication illustrate the obvious author's preferences.

Keywords: artistic discourse; subject; linguo-cognitive modeling (LMC); pragmatic and linguistic aspects of modeling; world picture.

Received: 04.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

В условиях глобализации, цифровизации современной действительности, а также медиацентризма как ключевого атрибута культуры и общества конкуренцию медийному дискурсу составляет художественный, который по-прежнему является хранителем картины мира, источником изучения базовых национальных и универсальных ценностей. Современная проза, моделируя вторичную действительность в текстовом пространстве со своей системой координат, иллюстрирует динамику и одновременно некую стабильность этнокультурной информации, нравственных констант [Заманская, 2002; Стародубова, 2021, с. 161]. Художествен-

* © Starodubova O.Yu., 2021

ный дискурс как «...разновидность образно-эмоционального стиля отличается употреблением слов и образных средств, которые воздействуют не только на ум, но и на воображение и на чувства, порождают не только мысли, но и рисуют образы и вызывают переживания. <...> художественный стиль имеет и другие особенности, из которых наиболее важны картинность (образность), эмоциональность и благозвучие...» [Лосев, 1994, с. 19]. Именно эмотивно-эмпатийная составляющая художественного дискурса делает его конкурентоспособным транслятором нравственных констант на современном этапе развития общества.

Методика вертикального декодирования художественного текста

Архиватором социокультурных типов информации становится *субъект* как центральная категория текста и дискурса. Категория субъекта является сильной позицией текста и рассматривается в рамках *вертикальной методике* интерпретации, декодирования дискурса в следующих аспектах с позиций герменевтического круга (восприятие текста через диалектику части и целого) [Стародубова, Столетова, 2021, с. 513]. Во-первых, субъект *затекстовый*, т.е. собственно автор, являющийся знаковым сегментом текстовой оценочной, интерпретативной информативности с позиций пресуппозиции, которая, будучи фрагментом целого, т.е. эпохи, времени создания текста, инкорпорируется в него и задает формат *ценностного* и *эмотивно-эмпатийного* восприятия.

Ключевая «характеристика любой исторически конкретной ментальности – доминирующий модус сознания, или вектор интенциональности (смыслополагающей направленности духовной жизни)» [Тюпа, 2010, с. 21]. В этом плане характер наррации в художественном дискурсе / тексте задается параметром онтологически свободной и в то же время обусловленной, детерминированной характером эпохи творческой деятельности автора (пишущего): «поэтическая картина мира, тоже имеющая системный комплексный характер, наряду с общими объективными закономерностями, детерминирована личностью автора, особенностями его образного мышления, мировосприятия, лексикона, семантикона, прагматикона» [Болотнова, 2004, с. 21].

Индивидуально-авторский метод селекции методов и приемов создания вторичной текстовой модели, картины мира позволяет читателю «проецировать свое видение не только на индивидуальную стилистическую манеру, но и устанавливать главенство рецепции дискурса, растворяя тем самым эмпирику индивидуального в имманентном» [Безруков, 2015, с. 174]. Таким образом, рамки, границы интеракции в художественном тексте расширяются: текстовый диалогизм сосуществует параллельно с затекстовым – автор и читатель, результатом чего становится интерференция миромodelей автора (как продукта своей эпохи и этнокультурных ценностей) и читателя, личность которого также представлена набором идентичностей [Библер, 1989; Гарипова, 2021]. Значимость пресуппозиции, продуктом которой становится субъект во всех его вариантах в процессе кодирования и декодирования смысла в художественном дискурсе, подтверждается и в высказывании Р. Барта: «...дискурс, при всей своей материальной линейности, обязан как бы идти в глубь исторического времени: это можно назвать зигзагообразной или зубчатой историей» [Барт, 2004, с. 429].

Во-вторых, в рамках текста рассматривается субъект внутри-текстовый – действующие лица – *эксплицированные* или *имплицитно* присутствующие, например, в глагольных формах, имеющие конкретную личную номинацию (имя) или атрибутивную, обобщенную, типизированную (социальный, профессиональный, гендерный и т.д. статус) [Стародубова, 2020, с. 171]. В этом плане значимыми представляются *интродукция*, т.е. способ введения субъекта в текст, формирующий характер восприятия читателем разных типов информативности, носителем которой является субъект, указывающий доминанту прочтения; а также способы *индикации* социального статуса, моделирующие систему общественных отношений в рамках оппозиции свое – чужое [там же, с. 173]. Все субъекты включаются в *интеракцию*, моделируемую текстом при помощи прагматических и языковых механизмов.

Эмпирическое исследование рассказа «Скатина»

Рассмотрим результаты применения указанной *методики вертикального декодирования* художественного текста (дискурса) с позиций моделирования картины мира, универсальных и национальных

нравственных констант на фоне субъектной организации в рассказе современного писателя О. Бондаренко «Скатина» [Бондаренко].

Рассказ был опубликован 6 ноября 2019 г. Описанные события происходят в наше время, иллюстрируются современные представления о жизни, картина мира, система ценностей. Сам заголовок как один из ключевых фрагментов смысла (сильная позиция текста с позиций вертикальной методики декодирования) уже содержит номинацию субъекта – «Скатина», через которую читатель сразу погружается в состояние когнитивного диссонанса, распознавая орфографическую ошибку в инвективной лексеме. Следует помнить, что любые нарушения нормы (эпатаж) информативны и становятся маркером авторского присутствия. Так происходит активизация внимания воспринимающего субъекта и постепенное погружение в текстовое пространство, которое поддерживается дейксисом – *через неделю после нас* – личное местоимение вовлекает нас в авторское повествование, создает эффект репортажности, присутствия, участия, формирует прием интимизации – авторское доверие импонирует читателю, и мы начинаем верить происходящему, вчувствоваться, вживаться в него. Таким образом, автор моделирует вектор оценки, интерпретации последующего нарратива, настраивает читателя на то, что *мы* (которым доверяется открытие пространства текста) – носители культурно позитивной, социально престижной концептуальной информации – *своего*, в противоположность *чужому*, – носителем которого является субъект *соседи* (читай – *посторонние, не наши*).

Итак, способ интродукции (введения в текст) субъектов-коммуникантов, участников интеракции с первых строк расставляет необходимые автору акценты, моделирует составляющие картины мира – антитезу *своего* и *чужого* на фоне *субъектного начала*. Остальные субъекты в соответствии с заданными рамками распределяются по составляющим указанной оппозиции, иногда мигрируют между ними.

Третьим субъектом (*своим*, так как автор вызывает у читателя чувство сострадания к брошенному, беспомощному существу) становится *кот* (*огромный, серый бандит без правого уха; серый*), которого *соседи* бросают на даче после летнего отдыха. Сюжет рассказа прост – спасение кота, но нарратив сопровождается сопутствующими деталями (борьба с непогодой с риском для жизни, работы; преодоление стереотипов в коммуникации и т.п.), а также вариативными номинациями субъектов – носителей значимой информации.

У *соседей* в тексте есть еще одна номинация – *пара*, т.е. это не *семья* как концепт, сопряженный с эмоциональным единством, поддержкой, а именно *пара* – рациональное, количественное восприятие человека (*когда увидел пару вернувшуюся без серого, то страшно расстроился*), которая в контексте подается негативно оценочно, обезличенно, в том числе через инверсию субъекта-агенса как вторичного, второстепенного (*И вернулись они без своего кота*) и в составе неопределенно-личного предложения (*Всё оказалось именно так плохо, как я и предполагал. Кота оставили на даче*) – так автор моделирует негативную оценку потребительского мировоззрения, его следствием становится отношение к животным как к собственности (*оставили своего кота, их кот*), от которой можно при необходимости легко избавиться.

Примечательно, что тот же прием – *инверсия* субъекта-агенса используется и в отношении к *своему* – *Короче говоря, привык я к нему (коту)*, но в этом случае с учетом контекста, синтагматики прочтение иное: человек становится вторичным субъектом, на первом месте – концепт *природа*, инкрустированный в субъектное начало через номинацию беспомощного животного, судьба которого в руках человека.

Чужой, т.е. нравственно негативный, социально непрестижный, культурно обесцененный субъект *соседи* упоминается только в начале текста, затем постепенно минимизируется до постпозитивного местоимения и неопределенно-личной конструкции и впоследствии совсем вытесняется из текста как неконструктивный элемент смоделированной вторичной действительности. Таким образом, даже *объем текстовой площади*, занимаемый субъектом, важен в расставлении акцентов авторского восприятия.

Напротив, *свои* субъекты имеют разнообразные номинации, частотны и доминируют в наполнении объема, пространства текста. Например, единое *мы (нас)*, *ты* в дальнейшем детализируется, индивидуализируется – *я, жена* (концепт *Семья*), *дачники*; затекстовый субъект – понимающий *начальник*, отпускающий героя-рассказчика спасти кота, внутритекстовые эксплицированные субъекты – *здоровый мужик в сапогах сорок пятого размера*, который принимает активное участие в спасении животного, *маленький черный котенок* и т.д.

Кроме того, у *своих* субъектов характер номинаций объемов и вариативен (в том числе, моделируется *эволюция* субъекта в интерпретации рассказчика, а значит, автора и читателя), представлен как *номинативно* (*кот, мужик, лодочник* и т.п.), так и *атри-*

бутивно: угрюмый мужик, который после спасения Серого и маленького черного котенка превращается в доброго, здорового ворчуна, деликатного и способного на глубокие чувства, трогательный диалог с Серым – вдруг затих. Потом совершенно спокойным и приятным на удивление голосом сказал; строгим, и удивительно мягким голосом; зябко поеживаясь и прижавшись к моим ногам он (Серый) жалобно пищал, стеснительно прижав свое единственное левое ухо к голове просительно и тихонько мяукнул; серый, одноухий кот прижался к маленькому черному котенку. Котёнок был мокрый и отчаянно пищал. Серый виновато посмотрел на меня и мяукнул и т.д. Все это является маркером позитивной авторской оценки, а значит, включается в иерархию ценностей в картине мира.

Следует подчеркнуть антропоморфную интерпретацию субъектов, называющих животных, через атрибутивную характеристику как субъектов, так и нарратива, что подчеркивает их человечность в отличие от *чужих соседей*, не проявивших милосердие (*Кот посмотрел на меня, виновато мяукнув подошел к угрюмому мужику и встав на задние лапы уперся передними ему в огромные сапоги. Мужик поднял его на руки. И большой серый бандит обхватил его шею своими лапами и прижался*). Главным героем рассказа на этом фоне становится *настоящий мужик – кот Серый*, который не бросил маленького (*малыша*) черного котенка (*ты кот справный. Правильный ты кот. Мужик, значит ты. Не бросил малыша*). Указанная номинация актуализирует в сознании носителя русского языка и культуры *советский тип личности и систему ценностей, сопряженную с концептами Единения, Ответственности, Настоящего мужского характера*. На этом фоне грубое просторечное *мужик* обретает черты своего, родного, надежного, настоящего, богатырского, глубоко позитивного.

Используются при этом и *графические* ресурсы номинации субъекта – качественное прилагательное *серый* сначала пишется со строчной буквы и является элементом атрибутивной характеристики, подчеркивая примитивность ограниченного потребительского мировоззрения *соседей*, а затем в интерпретации *своего* субъекта звучит как номинация уже с прописной буквы *Серый*, иллюстрируя иной тип картины мира. Чудесное спасение всех героев, во время почти зимнего урагана плывших на лодке на большую землю, сопряжено с еще одним знаковым концептом – Религия: *Как мы перебрались на ту сторону реки, я не знаю. Наверное, Богу просто так было угодно, потому что вокруг ничего уже было не видно*. Кон-

цепт *природа* представлен также субъектно – антропоморфно через онтологическую метафору: *Волны были очень приличные. Они плелись отчаянно холодной пеной, и грозились опрокинуть утлое суденышко.*

К концу повествования читатель понимает, во-первых, многослойность заголовка: *скатина* – эта субъектная оценочная номинация звучит из уст *угрюмого мужика, лодочника* и направлена на интерпретацию рассказчика: *Скатина ты, однако. Ты меня обманул за документы и деньги всунул, а сам спасать кота ехал? Ты вроде как человек, а я нечисть какая бездушная получилась? Так, что ли?* В этом фрагменте автор вкладывает в уста представителя простого народа (именно так конструируется образ героя – индикация социального статуса – *мужик*) ключевую субъектную оппозицию с абстрактным характером номинации – *свое* – это *Человек*, который не берет денег за спасение животных, способен на искренность, трогательные чувства, *чужое* – *нечисть какая бездушная* (равнодушные соседи). Заголовок приобретает юмористическое и вместе с тем концептуальное звучание. А во-вторых, динамику картины мира, представленную набором стереотипов и их преодолением: не все решают деньги (50 долл., которые герой-рассказчик в начале повествования отдает угрюмому лодочнику за опасную переправу, возвращаются завернутыми в полотенце вместе с маленьким черным котенком в коробке), и не каждый угрюмый мужик действительно угрюм. Механизмом моделирования *добра – своего* – становится также *юмор* (представленный в том числе в заголовке), в контексте которого автор дает серьезный и даже трагический нарратив.

Заключение

Итак, через *систему субъектов* автор минимизирует *концепт денег, материальных ценностей*, которые становятся непременным атрибутом современной потребительской эпохи, и актуализирует *концепт милосердия, гуманистических ценностей, природы*, моделируя его как престижный, напоминая о вечных универсальных и национальных нравственных константах.

Таким образом, текст следует воспринимать как эксплицированную, вербализованную при помощи прагматических (категория субъекта как носителя концептов) и лингвистических (конкретные средства интродукции и индикации субъекта) механизмов модель

действительности, подводящую «итоги особого периода в концептуализации и категоризации выбранного в нем фрагмента мира» [Кубрякова, 2009, с. 23]. В процессе *декодирования* художественного текста / дискурса как попытки реконструкции авторского замысла и *интерпретации* как приращения смысла на фоне читательской модели мира возникает интерференция картин мира коммуникантов – субъектов интеракции (затекстовых и внутритекстовых), в результате чего происходит обогащение читательского опыта, в том числе через актуализацию базовых констант, с учетом которых моделируется и интерпретируется субъектное начало.

Пониманию текста способствует вертикальная методика, позволяющая видеть базовые национальные и универсальные ценности, представленные ключевыми концептами, носителями которых являются субъекты, а их интродукция и индикация иллюстрирует очевидные авторские предпочтения. В процессе постижения вторичной смоделированной действительности возникает естественная *интерференция* лингвокогнитивных моделей автора и читателя, которая сопровождается взаимным обогащением транслятора культурных ценностей и реципиента, при этом *перлокутивное* воздействие художественного дискурса на сознание читателя становится одной из ведущих функций. На этом фоне художественный текст становится лингвокультурным маркером языковой личности его автора, национальной ментальности и эпохи в целом.

Список литературы

- Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2004. – 512 с.
- Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход. – Wrocław : Издательство Русско-польского института, 2015. – 300 с.
- Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
- Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестник ТГПУ. Серия Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – № 1(38). – С. 20–25.
- Бондаренко О. Скитина. Трогательный рассказ. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2338549/post462696637/> (дата обращения: 12.04.2021).
- Гарипова Г.Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности). – Владимир, 2021. – 612 с. – URL: <https://diss.unn.ru/files/2021/1128/diss-Garipova-1128.pdf> (дата обращения: 12.04.2021).
- Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX в.: диалоги на границах столетий. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 304 с.

- Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. – Киев : Collegium, Киевская академия евробизнеса, 1994. – 288 с.
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. – Москва : Ин-т языкознания. РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. 4 : Концептуализация мира в языке. – С. 11–24.
- Стародубова О.Ю., Столетова Е.К. Обучение интерпретации художественного текста в практике преподавания РКИ (на примере анализа стихотворения Арсения Тарковского «Посередине мира») // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. – Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2021. – Вып. 4 : Материалы IV Международной научно-практической конференции New Language. New World. New Thinking / отв. ред. И.Е. Коптелова. – С. 512–516.
- Стародубова О.Ю. Лингвокогнитивное моделирование в художественном дискурсе в аспекте субъектной организации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 170–175.
- Стародубова О.Ю. Манипулятивный дискурс и механизмы его моделирования // Знак. Проблемное поле медиаобразования. – 2021. – № 1(39). – С. 160–166.
- Тюна В.И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.

References

- Bart, R. (2004). *Fashion system. Articles on the semiotics of culture*. Moscow: Publishing house im. Sabashnikovs.
- Bezrukov, A.N. (2015). *Reception of literary text: a functional approach*. Wrocław: Publishing House of the Russian-Polish Institute.
- Bibler, V.S. (1989). Culture. Dialogue of cultures (experience of definition). *Problems of Philosophy*, 6, 31–42.
- Bolotnova, N.S. (2004). The associative field of a literary text as a reflection of the author's poetic picture of the world. *Bulletin of TSPU. Series: Humanities (Philology)*, 1(38), 20–25.
- Bondarenko, O. *Skatina. Trogatelny rasskaz*. Retrieved from: <https://www.liveinternet.ru/users/2338549/post462696637/>
- Garipova, G.T. (2021). *The principles of world modeling in Russian prose of the 20th century (non-classical paradigm of artistry)*. Vladimir. Retrieved from: <https://diss.unn.ru/files/2021/1128/diss-Garipova-1128.pdf>
- Zamanskaya, V.V. (2002). *Existential tradition in Russian literature of the 20th century: Dialogues at the Borders of the Centuries*. Moscow: Flinta: Nauka.
- Losev, A.F. (1994). *Artistic style problem*. Kiev: Collegium, Kiev Academy of Eurobusiness.
- Kubryakova, E.S. (2009). In search of the essence of language: instead of introduction. *Cognitive studies of language*, IV, 11–24.
- Starodubova, O.Yu., Stoletova E.K. (2021). Teaching the interpretation of a literary text in the practice of teaching RFL (on the example of the analysis of Arseny Tarkovsky's poem «In the Middle of the World»). *New World. New language. New thinking*. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Vol. IV: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference New Language. New World. New Thinking (pp. 512–516).

Starodubova, O.Yu. (2020). Linguo-cognitive modeling in artistic discourse in the aspect of subject organization. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2, 170–175.

Starodubova, O.Yu. (2021). Manipulative discourse and mechanisms of its modeling. *Sign. The problematic field of media education*, 1(39), 160–166.

Tyupa, V.I. (2010). *Discourse formations: essays on Comparative Rhetoric*. Moscow: Languages of Slavic culture.

Симоненко М.А., Григорян А.Э.

**Интерпретация иноязычного текста
в свете пропозиционального подхода***

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Россия, Москва, masimonenko@yandex.ru, grigarm7@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается перспективность пропозиционального анализа для моделирования денотативного содержания вторичных текстов. Методика пропозиционального анализа применялась к пересказам и переводам текста русскоязычной сказки носителями туркменского языка. Сопоставление пропозициональных моделей первоисточника и индивидуальных интерпретаций в форме пересказа или перевода позволило выявить ряд расхождений в репрезентации текстового события. Причинами сбоев при идентификации главного события текста (его денотата) стали опущение при пересказе / переводе одного или нескольких ключевых предикатов и смешение ролевых статусов актантов-персонажей, что, в свою очередь, послужило препятствием для понимания хронологии и логики развертывания текстовых ситуаций и событий.

Ключевые слова: пропозиция; интерпретация; актант; предикат; когнитивная семантика; текст.

Поступила: 05.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Симоненко М.А., Григорян А.Э., 2021

Simonenko M.A., Grigoryan A.E.

Interpretation of the foreign language text from the perspective of the propositional approach*

*Plekhanov Russian University of Economics,
Russia, Moscow, masimonenko@yandex.ru, grigarm7@yandex.ru*

Abstract. The article considers the potential of propositional analysis in modelling denotative content of secondary texts, products of readers' interpretation. In this research we applied the propositional method to analyze retellings and translations of a Russian fairy-tale by Turkmen speakers. By comparing propositional patterns of the original text and individual interpretations in the forms of retellings and translations we found a number of differences in the text event representation. The respondents failed to identify the main text event because the key predicates were eliminated and the roles of the character actants were mismatched, which, in turn, served as a barrier for understanding chronology and logic of the text situations and events.

Keywords: proposition; interpretation; actant; predicate; cognitive semantics; text.

Received: 05.06.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Когнитивные процессы концептуализации текста скрыты от наблюдателя, их моделирование носит гипотетический характер, поскольку лингвистические данные, полученные в ходе экспериментальных исследований, позволяют лишь отчасти судить о выводном знании. Сочетание двух научных парадигм – когнитивной и логико-семантической – в лингвистике текста значительно расширяет диапазон исследовательских тем и обеспечивает инструментарий для анализа и научного описания семантики и прагматики как первичного, авторского, так и вторичного, читательского, текстов.

* © Simonenko M.A., Grigoryan A.E., 2021

В фокусе внимания когнитивистов – интерпретационная деятельность читателя, который оценивается как равноправный участник литературной коммуникации, поскольку в процессе восприятия и интерпретации исходного текста «читатель всегда выстраивает собственную читательскую проекцию, перекодируя содержание авторского текста в собственную концептуальную структуру» [Залевская, 2005, с. 295]. На выходе создается встречный текст, который может материализоваться в форме пересказа или перевода на другой язык.

Представители логико-семантического направления предлагают широкий репертуар форм и средств структурирования, схематизации и развертывания авторской / читательской проекции текста как целостного образования. Согласно данному подходу, смысловая структура текста имеет иерархическое устройство: макроструктура целого текста (глобальный концептуальный смысл, концепт текста) состоит из смысловых микроструктур отдельных высказываний и блоков высказываний [Дейк, 1989]. Для декодирования макроструктуры текста вырабатываются особые исследовательские процедуры, направленные на анализ иерархически организованных микроструктур.

Интеграция двух научных парадигм воплощается в пропозициональном подходе к анализу текста [Дейк, 1989; Греймас, 2000; Виноградова, 2006; Петров, 2009; Петрова, Солнышкина, 2021; Kintsch, 1995; Jaszczolt, 2020; Snider, 2019]. Ключевым понятием становится языковая модель референтной экстралингвистической ситуации, или пропозиция, образующая семантическую основу высказывания и реконструирующая его глубинную структуру. В когнитивной семантике пропозицией считается «семантическая структура, в которой средствами языка раскрывается толкование, конфигурация, профилирование образа денотативной ситуации ... посредством пропозиции происходит кодирование некой ситуации в виде предикатно-аргументной структуры» [Колесов, 2009, с. 19].

Именно модель ситуации Т. ван Дейк рассматривает в качестве базового типа репрезентации знаний и основы для интерпретации текста [Дейк, 1989]. Читатель генерирует собственную аналоговую модель ситуации, описанную в тексте, с опорой на индивидуальный информационный тезаурус, в котором знания о внешних событиях, явлениях и объектах всегда представлены через связи и взаимоотношения с другими сущностями, т.е. имеют в своей основе пропозициональную репрезентацию [Schnotz, Banner, 2003; Zwaan, 2016].

Элементарная пропозиция включает предикат и его аргументы, где предикат является ядерным семантическим компонентом конструкции и выполняет функцию организующего центра высказывания, связывая актанты и формируя в итоге целостную ситуацию. Актанты – участники обозначаемой ситуации – могут быть одушевленными и неодушевленными.

В структуре целого текста отдельные пропозиции стягиваются в макропропозиции, фиксирующие содержание крупных смысловых фрагментов текста (глав, параграфов, абзацев): «макропропозиция является пропозицией, выделенной из ряда пропозиций на основании индукции, восхождения от конкретного к абстрактному» [Теория текста, 2010, с. 66]. Макропропозиции связаны между собой и участвуют в развитии главной темы произведения, в совокупности формируя макроструктуру текста. В результате компрессии содержания текста и сведения макропропозиций к ядерной формуле, имеющей предикатно-аргументную структуру, получаем глобальную пропозицию текста, репрезентирующую главное событие (денотат) текста.

Пропозициональный метод успешно используется как в филологическом анализе оригинального художественного текста, так и в исследованиях интерпретационной деятельности читателя [Виноградова, 2006; Болотнова, 2009; Петров, 2009; Белов, 2011; Симоненко, Багринцева, 2019; Yan, 2017]. Е.М. Виноградова подчеркивает, что при выборе алгоритма пропозиционального анализа необходимо учитывать разнонаправленность процессов продуцирования и интерпретации текста: в исходном тексте «микротема (концептуальное содержание) каждой части ... получает линейное лингвистическое развертывание (на основе текстовой категории проспекции), и, наоборот, в сознании читателя она “свертывается” в концептуальные блоки (на основе категории ретроспекции)» [Виноградова, 2006, с. 148].

В предлагаемом исследовании пропозициональный метод применяется в отношении текстов вторичной (интерпретационной) деятельности, пропозициональному анализу подвергаются тексты пересказа и перевода иноязычного текста, на основе микро- и макропропозиций моделируются и сопоставляются глобальные пропозиции исходного и вторичных текстов. Пропозициональный метод позволяет идентифицировать в текстах реципиентов финальную интерпретанту, вербализованный фрагмент глобальной ситуации.

Методика и процедура исследования

В когнитивных и психолингвистических исследованиях пересказ и перевод текста на иностранный язык рассматриваются как способы переформулирования смысла исходного текста «для себя» и «для других», т.е. представляют собой возможные стратегии понимания [Dascal, 1981]. В текстах пересказов и переводов эксплицируются знания реципиентов, языковые и энциклопедические, как об имманентных текстовых связях и отношениях, так и об экстралингвистических внетекстовых взаимосвязях между компонентами типовых ситуаций, имеющих пропозициональную природу.

Исходя из данных положений, была выдвинута *гипотеза* относительно пропозиционального содержания вторичных текстов, продуктов субъективной интерпретации. Предполагалось, что основные расхождения между авторской и читательской репрезентациями главного события текста будут зафиксированы на этапе пропозиционирования элементарных предикатно-аргументных структур, а затем, на этапе моделирования макропропозиций станет очевидным, что противоречия уже необратимы, а реконструкция текстового события невозможна.

К участию в экспериментальной части исследования были привлечены туркменские студенты, обучающиеся в Астраханском государственном университете и изучающие русский язык как иностранный. Все участники (70 человек) были разделены на две группы. В обеих группах испытуемым в качестве стимула был предъявлен текст сказки «Почему мышонок не женился?» из учебника «Русский язык как иностранный: Чтение» [Березовская, Шарафутдинова, 2015]. Первой группе испытуемых (50 человек) было предложено прочитать и пересказать текст своими словами, ответы студентов фиксировались на аудионоситель. Испытуемые из второй группы (20 человек) должны были письменно перевести текст на туркменский язык. На следующем этапе были смоделированы и сопоставлены пропозициональные структуры исходного и вторичных текстов. Следует уточнить, что анализ переводов стал дополнительным этапом исследования, основное внимание было сосредоточено на пропозициональном анализе текстов пересказов.

Текстом-стимулом в исследовании стал текст сказки с прототипическим сюжетом, этот выбор неслучаен: во-первых, фольклорные тексты отличаются инвариантностью набора функций (поступков действующих лиц), линейной последовательностью этих функций, а также набором ролей, известным образом распре-

деленных между конкретными персонажами и соотнесенных с функциями [Пропп, 1998] и потому хорошо узнаваемых носителями разных языков и культур; во-вторых, сказочный нарратив предполагает четкую и ясную последовательность сегментов-событий [Фотино, Маркус, 1985], наличие ограниченного списка элементарных сюжетов [Кербелите, 1994], что облегчает для реципиентов идентификацию главного события текста и значительно упрощает для исследователя процедуру моделирования пропозициональной структуры.

Построение пропозиций на разных уровнях текста осуществлялось по методике пропозиционального анализа, изложенной в диссертационном исследовании В.А. Белова [Белов, 2011]. Алгоритм реконструкции главного события текста и создание его пропозициональной модели включает анализ заголовка и его предикатно-аргументной структуры с выделением доминантных предикатов / актантов текста, последовательное моделирование сначала микро-, а затем на их основе макропропозиций, формулирование глобальной пропозиции как компрессивно выраженного смысла целого текста.

Анализ заголовка и предикатно-аргументной структуры указывает на лимитированное количество повторяющихся и, следовательно, доминантных предикатов и актантов.

В тексте два актанта-персонажа – *мышка* и *мышонок*. Основная часть предикатов соотносится с действиями и реакциями главного действующего лица, мышонка, это:

- предикаты с семантикой движения: *пойду, прибежал, вылезти, отправился*;
- предикаты с семантикой эмоционального состояния: *испугался, удивился*;
- предикат с семантикой обязательства (комиссив): *обещать*;
- предикат с семантикой говорения: *сказал*.

Намерения и действия второго персонажа – мышки – воплощены в предикате с семантикой побуждения *попросить* и предикате волитивного типа *хочу / не хочу*. Предикат *выходить (за муж)* соотносится с обоими актантами и выражен стативным глаголом с семантикой перемены состояния, семантическим дериватом соответствующего глагола движения [Падучева, 2004]. Отношения между актантами-персонажами регулируются двумя предикатами с противоположной семантикой (*просить / обещать*). Е.В. Падучева маркирует соответствующие глагольные аналоги терминами «стимул» и «реакция» [там же].

Помимо актантов-персонажей, доминантные позиции в тексте занимают актанты-объекты действий (объективы) из одной семантической сферы: *сахар, конфета, халва*. Признаки, приписываемые этим сладостям главным персонажем, актуализируются посредством предикатов атрибутивного типа: *вкусная, сладкий, прекрасная*. Намеренное усиление признака достигается введением дополнительного компонента: *очень вкусная, самая прекрасная*.

Анализ предикатно-аргументной структуры позволил сформировать микропропозиции на уровне отдельных высказываний, послуживших в свою очередь основой для макропропозиций сложных синтаксических целых. В тексте было выделено восемь макропропозиций: 1. *Мышонок обещал невесте-мышке в подарок сахар*. 2. *(На кухне) мышонок испугался*. 3. *Мышонок пришел к мышке без сахара*. 4. *Мышонок обещал мышке конфету*. 5. *(На кухне) мышонок испугался*. 6. *Мышонок пришел к мышке без конфеты*. 7. *Мышонок обещал мышке халву*. 8. *Мышка не захотела выйти замуж за мышонка*.

В пропозициональной структуре текста повторяются элементарные пропозиции: $X - P - Y - O$, $X - P$, $X - P - Y - \Theta$, где X и Y обозначают актантов-персонажей, находящихся в субъект-объектных отношениях, P – это предикат, фиксирующий связи и отношения между актантами, O – объект (сладость), а Θ указывает на отсутствие обещанного подарка (без подарка). Финальная макропропозиция подводит итог ситуации «Тот, кто не выполняет обещания, не заслуживает награды».

Сегментирование текста на микро- и макропропозиции и последующая компрессия содержания позволили сформулировать глобальную пропозицию текста, означающую его главное событие: *Мышонок дважды обещал своей невесте-мышке сладкий подарок, но испугался и не принес сладость, поэтому мышка не поверила третьему обещанию и не захотела выйти замуж за мышонка*.

Свертывание содержания происходит за счет устранения повторяющихся фрагментов и их замены на монолексемные семантические эквиваленты: *дважды (обещал), третьему (обещанию)*. В вербализованную версию глобальной пропозиции текста вводится компонент, который не был выделен на уровне макропропозиций: *не поверила (третьему обещанию)*. Добавление этого компонента оправдано логикой развития событий: ожидаемая цикличность действий главного персонажа (*обещал – испугался – не принес*) прерывается по желанию второго персонажа (*не захотела замуж*).

Тексты пересказов сказки, полученные в первой группе испытуемых, послужили материалом для моделирования микро- и макропропозициональных моделей с последующим формулированием глобальных пропозиций для каждого вторичного текста. Оказалось, что интерпретация поверхностной, денотативной структуры иноязычного текста в форме пересказа сопряжена с преодолением ряда барьеров разной природы – языковых, культурных, психологических. Часто в пересказах нарушается связность и логичность событийного ряда и, как следствие, не распознается главное событие текста, его денотат, что требует анализа причин подобных сбоев.

Результаты экспериментального исследования

Пропозициональный анализ текстов пересказов указывает на значительные трудности при интерпретации содержательно-фактуальной информации иноязычного текста и идентификации главного события. Денотат не определяется даже в тех случаях, когда событийная модель воссоздана наиболее полно.

Сбои на уровне идентификации доминантных актантов и предикатов

Два актанта-персонажа обозначены лексемами с ярко выраженными гендерными признаками – мышка и мышонок, данная гендерная маркированность чрезвычайно важна для понимания отношений между двумя главными персонажами. Для носителей туркменского языка подобная языковая ситуация оказалась трудноразрешимой, поскольку в их родном языке отсутствует категория рода и поэтому лексика, обозначающая людей и животных, гендерно не дифференцирована. Неспособность различить двух главных персонажей по гендеру стала причиной сбоев при понимании взаимоотношений между ними.

Менее критичными оказались замены актантов-объективов на семантически близкие компоненты: вместо *конфета* использовалась лексема *шоколад*, лексема *сахар* заменялась на гипероним *что-то сладкое*.

Гораздо более серьезные нарушения при реконструкции событийно-ситуативного контекста связаны с опущением смыслообразующих предикатов. Чаще всего в пересказах отсутствовал предикат *испугался*, также зафиксированы случаи опущения отрицательных предикатов *не пришел, не принес, не хочу*. Атрибутивные предикаты, транслирующие субъективную оценку ценности подарка в глазах главного персонажа, в большинстве пересказов не сопровождалась акцентирующим компонентом, призванным усилить определенный признак (*очень вкусный, самая прекрасная*), при этом утрачивались значимые коннотации и нарушалась последовательность ключевых событий.

Очевидно, что ошибки в восприятии актантов-персонажей и игнорирование доминантных предикатов приводят к искажению логики повествования и, как результат, препятствует распознаванию глобальной текстовой ситуации. Итогом серьезных сбоев при реконструкции предикатно-аргументной структуры интерпретируемого текста становятся разного рода нарушения на уровне идентификации значимых текстовых ситуаций, что выявляется в процессе микро- и макропропозиционального моделирования.

Сбои на уровне идентификации текстовых ситуаций и глобального события

На этапе пропозиционального анализа вторичных текстов для каждого текста пересказа были построены модели, включающие микро- и макропропозиции. Содержание каждой такой модели указывало на уровень понимания интерпретатором текстовых ситуаций и событий.

В количественном отношении пропозициональные модели вторичных текстов совпадают с моделью исходного текста, описанной выше. Однако содержательно эти модели значительно отличаются.

В основном сбой при распознавании текстовых ситуаций фиксируются в тех случаях, когда в пропозициональной модели вторичного текста отсутствует важная пропозиция, либо, наоборот, вводится пропозиция, которая в модели исходного текста отсутствует. Наиболее частотным примером игнорирования важной ситуации является отсутствие в модели ключевых пропозиций: *Мышонок испугался; Мышонок не принес сахар / конфету*. При этом из цело-

стной модели выпадают значимые компоненты – *обещал – испугался – не принес – получил отказ (выйти замуж)*, что влечет за собой искажение смысловой доминанты текста, главного события – *мышонок не сдержал обещания и получил отказ*.

В некоторых случаях испытуемые не осознавали цикличность текстовых ситуаций в первоисточнике (*дважды обещал и не принес подарок, обещал в третий раз, но ему не поверили и отказали*). Очевидно, что нарушение заданной текстом повторяемости действий приводит к непониманию причины отказа.

В ряде случаев испытуемые пытаются восполнить смысловую лауну и вводят в текст пересказа фрагменты, которые не могут быть эксплицированы в исходном тексте: *Мышка отказалась выйти замуж за мышонка, потому что ей не нравится вкус халвы; Мышка отказала мышонку, потому что халва не очень сладкая (слишком сладкая); Люди считают халву невкусной; Мышке не нравится много халвы*. Естественно, что эти испытуемые не смогли определить главное событие текста, поскольку серьезные ошибки были допущены на этапе идентификации отдельных текстовых ситуаций.

В итоге глобальные пропозиции большинства текстов пересказов – 38 из 50 – оказались либо неполными, либо искаженными. Мы склонны объяснять причины таких сбоев отсутствием базовых навыков анализа и интерпретации содержательно-фактуальной информации текста с опорой на ключевые слова, структуру и композицию текста. Кроме того, немаловажными детерминантами являются факторы лингвокультурного характера: серьезную помеху для фиксации значимых смыслов и репрезентации основных текстовых ситуаций составляют различия в означивании отдельных реалий в двух языках, а также отсутствие аналогичных сюжетов в туркменском фольклоре, о чем рассказали испытуемые в личной беседе.

С целью верификации предварительной гипотезы и подтверждения обоснованности выводов в исследование был включен дополнительный этап – студентам из второй группы предлагалось письменно перевести тот же текст русскоязычной сказки на туркменский язык. На этом этапе были привлечены эксперты, билингвалы, носители двух языков – русского и туркменского. В задачу экспертов входила оценка качества содержания текстов перевода. Сопоставление предикатно-аргументных структур и пропозиционных моделей текстов-пересказов и текстов перевода указывает на схожие стратегии реконструирования событийного содержания

текста – элиминацию значимых предикатов, смешение ролевых позиций актантов-персонажей, исключение или добавление отдельных текстовых ситуаций, влекущее за собой искажение глобальной ситуации (события) текста.

Выводы

Как показал пропозициональный анализ текстов-пересказов, самые критичные несовпадения глобальных пропозиций исходного текста и текстов-реципиентов имеют место в зоне фиксации значимых предикатов и актантов. Неразличение актантов по гендерному признаку, искажение цикличности действий персонажей, исключение из пересказа важных событийных предикатов *испугался*, *не принес*, либо введение в текст предикатов, противоречащих смыслу и логике повествования – все эти нарушения препятствуют распознаванию причинно-следственных связей, что, в свою очередь, делает невозможным идентификацию главного события текста.

Прототипическая ситуация (*обещал – испугался – нарушил обещание – получил отказ*) эксплицирована посредством повтора идентичной пропозиции в разных частях текста с включением одного нового компонента (*сахар, конфета, халва*). Выпадение из общей схемы одного компонента, либо введение чужеродного компонента разрушает целостность глобальной ситуации. Основными причинами сбоев при интерпретации события текста являются фактор интерференции родного языка и отсутствие развитых навыков когнитивной обработки текстовой информации, в частности незнание механизмов компрессии текста с опорой на его ключевые компоненты и поверхностную структуру.

Список литературы

- Белов В.А. Пропозициональная организация текста (на материале романа А. Белого «Петербург») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург : Изд-во Российского государственного университета им. А.И. Герцена, 2011. – 23 с.
- Березовская Я.Л., Шарафутдинова О.И. Русский язык как иностранный. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 135 с.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.

- Виноградова Е.М.* Пропозициональный анализ художественного текста как основа его интерпретации // Вестник Уральского университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 41. – С. 145–152.
- Греймас А.-Ж.* Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – Москва : Прогресс, 2000. – С. 153–170.
- Дейк Т.А. ван* Язык. Познание. Коммуникация : сборник работ. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды. – Москва : Гнозис, 2005. – 543 с.
- Кербелите Б.П.* Сравнение структурно-семантических элементов повествования разных народов // Фольклор: проблемы тезауруса. – Москва : ИМЛИ. РАН, 1994. – С. 7–18.
- Колесов И.Ю.* Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул : Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009. – 31 с.
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
- Петров С.В.* Взаимодействие разноуровневых компонентов денотативной структуры художественного текста (на материале романа Ю.К. Олеши «Зависть») : дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2009. – 184 с.
- Петрова А.А., Солнышкина М.И.* Неподготовленный устный пересказ как вторичный текст: референциально прагматические и пропозициональные характеристики // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 221–249.
- Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки : собрание трудов В.Я. Проппа / комментарии Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой. – Москва : Лабиринт, 1998. – 512 с.
- Симоненко М.А., Багринцева О.Б.* Пропозициональный подход при анализе денотативной структуры вторичных текстов (на материале пересказов текста И.А. Бунина «Роман горбуна») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 310–313.
- Теория текста / Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Панченко Н.В., Чувакин А.А.* – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 132 с.
- Фотино С., Маркус С.* Грамматика сказки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – Москва, 1985. – С. 275–315.
- Dascal M.* Strategies of understanding // Meaning and understanding / ed. by Parret H., Bouveresse J. – Berlin ; New York, 1981. – P. 327–352.
- Jaszczolt K.M.* Functional proposition: A new concept for representing discourse meaning? // Journal of Pragmatics. – 2020. – Vol. 171. – P. 200–214.
- Kintsch W.* How readers construct situation models for stories: The role of syntactic cues and causal inference // Coherence in Spontaneous Text. – Amsterdam ; Philadelphia, 1995. – P. 139–161.
- Schnotz W., Banner M.* Construction and interference in learning from multiple representation // Learning and Instruction. – 2003. – Vol. 13. – P. 141–156.

- Snider T.* Introducing propositional discourse referents // Proceedings of Sinn und Bedeutung. – Barcelona : Universitat Autònoma de Barcelona, 2019. – Vol. 2. – P. 319–334.
- Yan L.D.* Using propositional analysis to assess interpreting quality // International Journal of Interpreter Education. – 2017. – N 9(1). – P. 17–39.
- Zwaan R.A.* Situation models, mental simulations, and abstract concepts in discourse comprehension // Psychonomic Bulletin & Review. – 2016. – Vol. 23. – URL: <https://link.springer.com/article/10.3758/s13423-015-0864-x> (дата обращения 23.04.2020).

References

- Belov, V.A. (2011). *Propozitsional'naia organizatsiia teksta (na materiale romana A. Belogo «Peterburg»)*. Unpublished doctoral dissertation. Saint-Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennii universitet im. A.I. Gertsena.
- Berezovskaia, Ia.L., Sharafutdinova, O.I. (2015). *Russkii iazyk kak inostrannyi*. Cheliabinsk: Izdatel'skii tsentr IuUrGU.
- Bolotnova, N.S. (2009). *Filologicheskii analiz teksta*. Moscow: Flinta; Nauka.
- Vinogradova, E.M. (2006). Propozitsional'nyi analiz khudozhestvennogo teksta kak osnova ego interpretatsii. *Vestnik Ural'skogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 41, 145–152.
- Greimas, A.-Zh. (2000). Razmyshleniia ob aktantnykh modeliakh. In: Kosikov, G.K. (Ed.), *Frantsuzskaia semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* (pp. 153–170). Moscow: Progress.
- Deik, T.A. van (1989). *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia: sbornik rabot*. Moscow: Progress.
- Zalevskaia, A.A. (2005). *Psikholingvisticheskie issledovaniia. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy*. Moscow: Gnozis.
- Kerbelite, B.P. (1994). Sravnenie strukturno-semanticheskikh elementov povestvovaniia raznykh narodov. In *Fol'klor: Problemy tezaurusa* (pp. 7–18). Moscow: IMLI RAN.
- Kolesov, I.Iu. (2009). *Aktualizatsiia zritel'nogo vospriiatiia v iazyke: kognitivnyi aspekt (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov)*. Unpublished doctoral dissertation. Barnaul: Altaiskaia gosudarstvennaia pedagogicheskaia akademiia.
- Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Petrov, C.B. (2009). *Vzaimodeistvie raznourovnevnykh komponentov denotativnoi struktury khudozhestvennogo teksta (na materiale romana Iu.K. Oleshi «Zavist'»)*. Unpublished doctoral dissertation. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Univerity.
- Petrova, A.A., Solnyshkina, M.I. (2021). Nepodgotovlennyi ustnyi pereskaz kak vtorichnyi tekst: referentsial'no pragmaticheskie i propozitsional'nye kharakteristiki. *Russian Journal of Linguistics*, 25(1), 221–249.
- Propp, V.Ia. (1998). *Morfologiiia volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki: Sbranie trudov V.Ia. Proppa*. Moscow: Labirint.
- Simonenko, M.A., Bagrintseva, O.B. (2019). Propozitsional'nyi podkhod pri analize denotativnoi struktury vtorichnykh tekstov (na materiale pereskazov teksta I.A. Bunina «Roman gorbuna»). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12(3), 310–313.

- Zemskaya, Yu.N., Kachesova, I.O., Komissarova, L.M., Panchenko, N.V., Chuva-kin, A.A. (2010). *Teoriia teksta*. Moscow: Flinta, Nauka.
- Fotino, S., Markus, S. (1985). *Grammatika skazki. Zarubezhnye issledovaniia po semiotike fol'klora*. Moscow.
- Dascal, M. (1981). *Strategies of understanding. Meaning and understanding*. Berlin; New York.
- Jaszczolt, K.M. (2020). Functional proposition: A new concept for representing dis-course meaning? *Journal of Pragmatics*, 171, 200–214.
- Kintsch, W. (1995). How readers construct situation models for stories: The role of syntactic cues and causal inference. *Coherence in Spontaneous Text*, 139–161.
- Schnotz, W., Banner, M. (2003). Construction and interference in learning from multi-ple representation. *Learning and Instruction*, 13, 141–156.
- Snider, T. (2019). Introducing propositional discourse referents. *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, Universitat Autònoma de Barcelona, 2, 319–334.
- Yan, L.D. (2017). Using propositional analysis to assess interpreting quality. *International Journal of Interpreter Education*, 9(1), 17–39.
- Zwaan, R.A. (2016). Situation models, mental simulations, and abstract concepts in discourse comprehension. *Psychonomic Bulletin & Review*, 23. Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.3758/s13423-015-0864-x>

Лефанов Д.С.

**Новые подходы к модели перевода
в отечественном переводоведении***

*НИУ «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, daniil.lefanov@yandex.ru*

Аннотация. Цель обзора заключается в установлении связи между новыми подходами к пониманию модели перевода в отечественном переводоведении (с 2010 по 2020). Предмет исследования – переводческий дискурс, объект – этапы переводческого процесса. На основе анализа авторских концепций и подходов в области переводоведения были выявлены следующие закономерности: стандартизируются междисциплинарные подходы холистического характера, акцентируется фигура переводчика, формируется терминологический аппарат к описанию положительной энтропии в переводе, объясняется интерпретативная природа перевода.

Ключевые слова: переводоведение; модель перевода; переводческий дискурс; энтропия; синергия; баланс; междисциплинарность.

Поступила: 05.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Лефанов Д.С., 2021

Lefanov D.S.

**New approaches towards the model of translation
in national Translation Studies***

*National Research University Higher School of Economics,
Russia, Moscow, daniil.lefanov@yandex.ru*

Abstract. The aim of the review is to establish links between new approaches to the translation model in Russian translation studies (from 2010 to 2020). The subject of the research is translation discourse. The object is the stages of translation. Based on the analysis of the author's concepts and approaches in the field of translation studies we revealed the following trends: standardization of holistic interdisciplinary approaches, emphasis on the translator's figure, introduction of a term base for describing positive entropy in translation, and explication of its interpretative nature.

Keywords: Translation studies; translation model; translation discourse; entropy; synergy; balance; interdisciplinarity.

Received: 05.06.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Исследователи отмечают, что переводчик все чаще перестает быть незаметным исполнителем, и в последнее время все больше внимания уделяется переводчику как одному из субъектов перевода [Кушникова, 2015; Zanotti, 2009]. Это, вероятно, стало одним из факторов, послуживших росту популярности исследований на тему переводческого процесса. Создается впечатление, что причиной разработки некоторых новых подходов к пониманию этапов перевода становится все более ясно ощущающаяся необходимость объяснить появление энтропии в переводе. В связи с этим стало возможным говорить о новом феномене научной парадигмы междисциплинарного переводоведения, а именно о фокусе на представлении о балансе. В описываемых ниже подходах именно апологетика переводческого баланса неизменно центром, от кото-

* © Lefanov D.S., 2021

рого ведутся дальнейшие рассуждения, хотя она и осмысливается каждым исследователем по-своему.

Настоящий обзор научной литературы фокусируется на проблеме модели перевода, которая определяется как описание этапов и компонентов переводческого дискурса. Основная цель работы заключается в том, чтобы проследить развитие мысли отечественных переводоведов за последние десять лет (с 2010 по 2020).

Теория порождающего перевода Л.В. Кушнина

Людмила Вениаминовна Кушнина известна как основатель теории порождающего перевода (или гештальт-синергетический подход), разрабатываемой с 2000 г. [Кушнина, 2004, с. 26], однако некоторые работы ученого, рассматриваемые ниже, также посвящены экологии перевода. Основные исследования Л.В. Кушнина приходятся именно на 2010-е годы.

В своих монографиях автор отмечает синергичную природу переводческого процесса [Кушнина, 2011]. Синергетическая лингвистика, по словам автора, опирается на то предположение, что текст развивается не только в результате внешних ресурсов («энергия извне»), но также благодаря внутренним смыслам, которые не выводятся из внешних. Текст, таким образом, имеет самоорганизующийся характер. Далее, важным основанием теории становится гештальт как целостность восприятия: синергия описываемых ниже полей переводческого пространства больше, чем сумма смыслов этих полей.

Единица перевода определяется как образ-гештальт текста. С позиций исходного текста это «невербализованный способ проявления смысла», с позиций перевода – «интегрированная единица смысла» [Кушнина, 2004], которая требует транспонирования. Работая над переводом текста, переводчик концептуализирует образ-гештальт с позиций разных полей, которые обнаруживают сложное взаимодействие в уникальном переводческом пространстве [Кушнина, 2011, с. 84]. Гармонизация этих пространств является целью перевода.

Перевод понимается как «синергетическая система транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую» [Кушнина, 2014, с. 72], а переводческое пространство – как нелинейная «полевая структура, обладающая ядром и периферией» [Кушнина, 2011, с. 82]. Таким образом, в центре подхода находится

представление о гетерогенных полях переводческого пространства, которое становится краеугольным камнем данной теории. В ядре заложен фактический смысл текста, характеризующийся эксплицитностью, тогда как в имплицитной периферии автор различает три поля субъектов переводческого дискурса (поле автора, поле переводчика и поле реципиента) и три текстовые поля: энергическое, фатическое и природно-биологическое. Под «энергией» здесь понимается продолжение текста в сознании читателя, смыслы текста. Энергетическое поле текста состоит из эмотивных смыслов. Фатическое поле включает в себя взаимодействие культурем, т.е. культурные смыслы, интертекст. Природно-биологическое поле связано с представлением о языке как экосистеме.

Итак, согласно теории порождающего перевода, исключающий искажения перевод будет ядерно соответствовать оригиналу, но имплицитные периферийные смыслы в каждом новом переводе одного текста будут отличаться и создавать уникальное прочтение текста как целого. Расширение, или «порождение» смыслового объема текста происходит именно в момент осмысления каждого поля, поскольку этот процесс имеет асимметричную природу. В этом отношении важным понятием становится категория гармонии, формально выраженная в соотношении значимостей, или лексических и культурологических смыслов текстовой единицы. Выделяют четыре уровня данной категории: 1) дисгармония; 2) идентичность (соответствует принятому в переводоведении понятию адекватности); 3) тождество (соответствует понятию эквивалентности); 4) гармония [Кушнина, 2011, с. 83]. Последний уровень достигается при условии синергии языков, культур и полей в переводческом пространстве. По словам автора теории, «порождение гармоничного текста перевода неизменно связано с рождением нового смысла в переводческом пространстве, т.е. является синергетическим процессом» [там же, с. 85]. Представление о том, что к гармоничному решению может приводить иррациональный выбор, становится очень важным положением в ходе рассуждений исследователя.

Л.В. Кушнина определяет структуру того этапа переводческого процесса, на котором происходит транспонирование смыслов. Следуя за интерпретативной теорией М. Ледерер [Lederer, 1994], где в качестве единицы перевода также выступает когнитивный образ, Л.В. Кушнина предлагает следующие этапы переводческого процесса: структурирование переводческого пространства располагается между девербализацией с исходного языка и ревербализацией на другом языке. Именно в представлении о структуре переводческого

пространства и о его влиянии на создание гармоничного перевода заключается уникальное представление о модели перевода в терминах гештальт-синергетического подхода.

Экология и переводоведение

Экоповорот в российском языкознании стал следствием бурного развития междисциплинарных исследований 2000-х годов (хотя о самом факте применения экометафоры в отношении языка известно еще с середины XX в.), в результате чего возникло два основных значения приставки «эко» в заголовках научных трудов: с одной стороны, лингвистическая экология языка понимается как деятельность по сохранению целостности того или иного языка; с другой – эколингвистика как наука сосредоточивается на взаимовлиянии языков, субъектов речи, культуры как окружающей среды и на результатах этого влияния [Левина, 2016]. Именно последний подход, рассматривающий язык в первую очередь как экосистему (в этом отношении см. работы Н.Н. Белозёровой, в частности: [Белозёрова, 2011]), лег в основу экопервоведения.

Экология перевода

Экологии перевода посвящены многие труды российских ученых. Отдельно хотелось бы выделить работы Екатерины Михайловны Пылаевой и совместную статью с Л.В. Кушнина [Кушнина, 2014]. Ранние труды Е.М. Пылаевой [Пылаева, 2011; Пылаева, 2012], как и работы других ученых по иной трактовке компонента «эко», сосредоточены на переводе текстов экологической тематики и не представляют интереса для настоящего обзора. Поздние работы Е.М. Пылаевой [Кушнина, 2014] в этом направлении представляют большой интерес, поскольку сосредоточены непосредственно на вовлечении экосмыслов в любое переводческое решение. С этой точки зрения тексты, языки, культуры – суть различные экосистемы. Применив высказывание Н.В. Дрожацих об эколингвистике [Дрожацих, 2011, с. 29] к переводу, получим следующее определение: перевод может считаться экологичным, если он «осуществляется в естественном окружении», т.е. в гармоничной совокупности экосмыслов гетерогенных полей [Кушнина,

2018]. Экологичный перевод сосуществует со своей средой, т.е. с элементами переводческого дискурса.

Л.В. Кушнина совмещает свою теорию переводческого пространства с лингвистическим восприятием понятия «экология» и выделяет отдельное природно-биологическое текстовое поле, которое «создает экосистему в переводе». В этом поле «решается задача природосообразности и культуросообразности, что нацелено на понимание, сохранение, выражение исходных экосмыслов в процессе их трансляции переводчиком» [Кушнина, 2014, с. 73–74].

Суммируя сказанное, определим результат применения позиций теории переводческого пространства к представлениям об экологии в переводе: экомодель перевода осознается как экологическое воспроизведение экосистемы оригинала в экосистеме перевода; процесс же затрагивает взаимоотношения между текстом и субъектами перевода и воспринимается как метафора пагубного или же экологичного взаимоотношения между природой и людьми.

Экопереводоведение

Отдельно хотелось бы выделить другое, «заимствованное» понимание экологии в переводе. В последнее время в России получает освещение экопереводоведение – подход, разрабатываемый отечественными исследователями, в частности Зоей Григорьевной Прошиной [Прошина, 2014; Прошина, 2016], но открытый китайским исследователем Гэньшэнем Ху [Hu, 2003]. В рамках этого подхода, который исходит из китайской философии [Шань, 2020, с. 57], переводческая среда определяется как сосуществование в процессе перевода «миров» исходного текста (ИТ), исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ), «подразумевая языковой, коммуникативный, культурный и социальный аспекты перевода, а также автора, заказчика и читателя» [Прошина, 2016, с. 101]; перевод же рассматривается как «выборочная деятельность переводческой адаптации под переводческую экосреду» [Hu, 2003, с. 284] (перевод наш. – Д. Л.). Новизна данной теории заключается, таким образом, в панадаптивном понимании решений переводчика. Условия перевода (среды) всегда меняются, и поэтому «синтаксис и выбор слов, <...> фоновые знания, и культурные пресуппозиции» [Шань, 2020, с. 58] постоянно адаптируются, т.е. приспосабливаются к этим изменениям.

В целом описанное отношение к переводческому процессу можно обозначить как холистическое. Так, на первом этапе переводческого процесса среда выбирает переводчика по ряду факторов: компетентность, личность и т.д. Интерпретируя ИТ, переводчик адаптируется к нему. Однако исследователями выделяется и дарвинистская сторона вопроса: в переводе выживает соответствие, которое лучше других адаптируется к среде [Прошина, 2016, с. 102]. Следовательно, второй этап в представлении экоперевода всегда включает в себя ситуацию выбора переводчиком степени адаптации и соответствующих языковых средств, что следует из необходимости адаптации переводчика к экосреде, а также принятие решения по итоговому языковому выражению.

Итак, интеграция экологии и переводоведения позволяет представить модель перевода как глобальный процесс. В отличие от классических моделей, сужающих объект изучения и, соответственно, дидактики только до одной стороны ситуации перевода, новые парадигмы на пересечении экологии и перевода позволяют достичь более глубокого понимания переводческого баланса.

Герменевтический подход к переводу

Многие зарубежные и российские исследователи стремились вывести теоретические переводческие универсалии из положений герменевтики. Так, Н.М. Нестерова отмечает, что герменевтическая парадигма перевода связывает имена Фр. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра, и Дж. Стайнера [Нестерова, 2006]. Слова последнего становятся ключевыми в отношении слияния герменевтики и перевода: дисбаланс в ситуации перевода происходит, когда переводчик «вторгается», «берет» и «приносит домой»; новый подход в понимании Дж. Стайнера описывает герменевтическую ребалансировку [Steiner, 1975] (перевод наш. – Д. Л.).

Что касается последних лет, думается, наиболее полно этот вопрос был рассмотрен Эдуардом Николаевичем Мишкуровым [Мишкуров, 2013а; 2013б; 2015; 2017]. Исследователь отмечает, что особенностью герменевтического подхода является «нацеленность не только на решение указанных задач, но и на исследование способов и форм выражения установленных смыслов-истин и выбор способов и форм перевыражения выявленных систем смыслов на всех уровнях языковой иерархии» [Мишкуров, 2013а, с. 71]. Герменевтическая составляющая в переводоведении отвечает не

столько за понимание текста, что также является глобальной проблемой, поиском решений которой занимается переводческая герменевтика [Нестерова, 2006], сколько за механизмы порождения нового уникального речевого произведения на языке перевода. Таким образом, как и описанные выше подходы, герменевтическая модель стремится к универсализации перевода, но в отличие от них она также ищет способы преодолеть изъяны того или иного приема. Поэтому, по точному замечанию Э.Н. Мишкурова, герменевтический поворот в переводоведении позволяет разрешить противопоставление разных стратегий, находящихся «в отношении дополнительной дистрибуции» [Мишуров, 2013а, с. 89]. Это связано с тем, что методологический акцент смещается с процесса на результат перевода.

В модели переводческого процесса, названной «герменевтико-переводческий методологический стандарт», Э.Н. Мишуров выделяет четыре стадии, каждая из которых взаимосвязана с остальными. Первая стадия заключается в «расширенном трансдисциплинарном переводческом анализе», соотносимом с процессом предпонимания. Ключевыми на этой стадии становятся границы «переводческого пространства», в котором «идентифицируются референты, когнитивный, лингво-культурологический и прагматический фон, хронотоп, вид, жанр и идиостиль авторского текста» [там же, с. 75]. Ученый говорит и об ассоциативных связях (ср. модель И.В. Убоженко ниже): на этом этапе «проводится с предварительный поиск речемыслительного соответствия текстов» в сознании переводчика; переводчик когнитивно «вчувствуется» в хронотоп текста [там же].

Вторая стадия соответствует пониманию и заключается в преодолении чужеродной природы ИТ. Именно здесь актуально понятие герменевтического круга как движения от целого к части и наоборот, что и является процессом понимания текста. Сам процесс понимания проходит в пять этапов, на которых переводчик выявляет: (1) синтаксическую структуру текста; (2) семантические единицы; (3) структурные единицы; (4) лингвистический и экстралингвистический контексты; (5) прагматические свойства текста.

Третья стадия характеризуется как итоговая интерпретация, или толкование, и создание промежуточного текста, направленного уже на читателя ПЯ. Ранее были выделены герменевтические стратегии приближения читателя к тексту и приближения текста к читателю [Лефанов, 2021]. Интерпретированная диалектика данной дихотомии соответствует аналогичному противопоставлению,

выделяемому Э.Н. Мишкуровым. По его словам, именно выбор между автором и читателем характеризует данный этап.

На четвертой стадии переводчик принимает окончательное решение исходя из принятой научной парадигмы или других актуальных аспектов ситуации перевода. В ходе принятия решения переводчик как бы «составляет уподобление транслята оригиналу» [Новикова, 2019, с. 566], возвращаясь, таким образом, к исходной точке своего пути.

Подводя черту под кратким описанием герменевтической модели перевода, отметим, что герменевтический поворот позволяет переосмыслить отношения «автор – текст – читатель», но главное – он предлагает твердую философскую почву самого процесса, необходимость которой в контексте переводческого плюрализма и неожиданного укрепления стереотипов о переводе сегодня остро ощущается [Gambier, 2016].

Дидактико-когнитивный подход И.В. Убоженко

Рассмотрим когнитивную модель переводческого процесса, которая была введена Ириной Вячеславовной Убоженко в качестве инструмента переводческой дидактики [Убоженко, 2014; 2016; Убоженко, Весник, 2019; Ubozhenko, 2020]. Исследователь предлагает следующую когнитивную схему переводческого процесса:

- первый этап: формирование фона познавательного процесса (владение иностранными языками, эрудиция, фоновые знания, знания по теории перевода, учет авторского стиля и задачи и т.п.);
- второй этап: комбинирование элементов исходного значения (составление различных вариантов соответствий, сравнение и подбор этих вариантов);
- третий этап: конечный результат (принятие решения и вербализация).

В предлагаемом подходе важную дидактическую роль в принятии творческого переводческого решения играют «слова-стимулы» («помощники» принятия переводческого решения, например «фон» или «контекст»). Они способствуют активации «всего комплекса релевантных знаний», высоковероятных или маловероятных. Способность активировать «маловероятные знания», или слабые ассоциативные связи, и есть переводческая интуиция. «Сильные связи активируются легко, активация сильных связей в дальнейшем стимулирует слабые связи, имеющиеся на

подсознательном уровне, на основе которых происходит принятие творческих решений» [Убоженко, 2018, с. 113].

Применительно к данной модели И.В. Убоженко акцентирует несколько важных практических тезисов. Во-первых, любая модель перевода будет умозрительной, поскольку нельзя достоверно определить происходящие в сознании переводчика процессы. В связи с тем, что перевод – процесс по большей части эвристический, любое теоретическое обоснование этапов переводческого процесса должно исходить из практики.

Во-вторых, переводческая интуиция должна стать неотъемлемой частью теоретических изысканий в области переводоведения. Это положение имеет важный практический аспект: по словам исследователя, неверно полагать, что художественному переводу нельзя обучить. Существует необходимость учитывать интуицию в процессе обучения переводу.

В соответствии с вышеизложенным можно проследить связь данной концепции с другими. Если синергетический, экологический или герменевтический повороты выделяли достижение баланса как конечную цель переводческого дискурса и давали каждый свое представление о том, каким должен быть этот баланс по отношению к гетерогенным исходным, то в работах И.В. Убоженко отражена иная реакция на данную парадигматическую лакуну: вместо заведомо отвлеченных попыток определить траекторию достижения гармонии в сознании переводчика, исследователь предлагает направить теоретические усилия на определение путей возникновения синергии – иными словами, творческих решений – в переводе.

Компетентностно-интерпретационная модель перевода Е.М. Коровкиной

Наконец, рассмотрим модель перевода, которая продолжает традицию российского коммуникативного лингвистического переводоведения. Автор данной модели, Марина Евгеньевна Коровкина, формирует свой подход на основе «сложного взаимодействия компетентностного и интерпретационного факторов перевода» [Коровкина, 2018, с. 17]. Основные положения данного подхода приведены в диссертации [Коровкина, 2017] и статьях [Коровкина, 2018; Коровкина, 2020].

Опираясь на признанные модели перевода, исследователь выделяет следующие этапы: понимание ИЯ; девербализация смысла и поиск переводческих решений; переключение на другой языковой код и вербализация смысла на ПЯ. Важно отметить, что концептуализация инварианта протекает одновременно с поиском соответствий; иными словами, переводческая интерпретация включает в себя лингвистическую вербализацию одновременно с выявлением смыслов. Таким образом, само понятие «интерпретация» автор осмысляет через понятие трансформации. По словам Е.М. Коровкиной, переводческие трансформации – это интерпретационная фигура, «которая объединяет признаки смыслового тождества и выразительных межъязыковых различий» [Коровкина, 2017, с. 171]. Следовательно, процесс переводческой интерпретации протекает в следующей диалектике: направленное на ИТ стремление сохранить смысловой инвариант (категория адекватности) уравнивает направленный на переводной текст поиск языковых соответствий в ПЯ (категория эквивалентности). Исследователь также подчеркивает значимость систематизации переводческих трансформаций [Давлетшина, 2021].

Без интерпретации не обойтись только в ситуации языковой асимметрии, когда возникает необходимость прагматической адаптации, происходящей на первых трех уровнях эквивалентности по модели В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 2002]. Осмысление пресуппозиций и импликаций, соответствующее первому этапу перевода, становится основанием для интерпретации, качество которой пропорционально уровню компетенций переводчика.

Деятельностное моделирование перевода опирается на компетентностные и интерпретационные факторы, системное представление о которых включено в авторскую модель профессиональных переводческих компетенций. Это универсальная многоуровневая система, «на базе которой деятельностно раскрывается языковая личность переводчика», или «профессиональная вторичная языковая личность» [Коровкина, 2017, с. 168]. Она включает в себя следующие блоки компетенций:

- 1) коммуникативная компетенция, которая включает в себя:
 - лингвистическую составляющую;
 - прагматическую составляющую, в рамках которой также выделяются: дейктическая, дискурсивная, социокультурная составляющие;

2) экстралингвистическая компетенция, которая соотносится с тезаурусным уровнем профессиональной вторичной языковой личности и охватывает:

- культурный контекст двух языков (межкультурная компетенция);
- предметную область;
- знания о мире, «пресуппозиция носителей языка»;

3) специальная профессиональная переводческая компетенция, или «специфические когнитивные способности переводчика», состоящая из:

- компетенции переключения;
- способности к инференции;
- интерпретационной способности.

По словам автора подхода, данная модель учитывает не только объективные, но также и субъективные факторы, что позволяет делать более точные выводы по оценке качества перевода. При этом, по точному замечанию исследователя, оценка качества перевода, как и сама интерпретация, включает в себя интуитивный фактор [Коровкина, 2017, с. 25].

Как видим, ученые, работающие в интерпретативном направлении, также акцентируют зависимость переводческого дискурса от личности переводчика. В данном подходе энтропия истолковывается как негативный фактор только в случае неудачной интерпретации, которая определяется как результат недостаточного развития переводческих компетенций. Автор подхода приходит к следующему выводу: качество перевода напрямую зависит от личности переводчика и его компетенций, от уровня развития языкового и концептуального тезаурусов.

Заключение

Завершая настоящий краткий обзор новых течений отечественного переводоведения в отношении определения этапов переводческого процесса, отметим, что все рассмотренные работы предлагают актуальные точки зрения на один из самых важных и до сих пор незакрытых вопросов переводоведения. Важен он по той причине, что тема переводческого дискурса непременно связана с практикой перевода. Так, без решения этой проблемы невозможно составить всеобъемлющий перечень оценки качества перевода, ведь любой перевод имеет творческую природу и, сле-

довательно, сопротивляется попыткам форматирования под объективные критерии. Дальнейшее изучение этой темы представляется перспективным.

Исследование позволило сделать ряд дополнительных выводов. Во-первых, отчетливо наблюдается стандартизация исследований холистического характера. Во-вторых, само появление все новых «поворотов» говорит о неудовлетворенности ученых классическими подходами к пониманию отношения между текстами и субъектами перевода [Коровкина, 2017, с. 30], в результате чего становится очевидной дистанция между теорией и практикой.

Кроме того, новые подходы не только обнаруживают решение одной проблемы, но и связаны одними и теми же принципами. В частности, подчеркивается значимость фигуры переводчика, теоретически обосновывается переводческая индивидуальность; также не будет ошибочным утверждение, что все названные модели охватывают проблему возникновения энтропии в переводе, которая определяется как результат неизбежной переводческой интерпретации. Как показал настоящий обзор, уместная энтропия может быть рассмотрена в терминах синергии, экологии, герменевтического баланса, переводческой компетентности и креативности.

Список литературы

- Белозёрова Н.Н.* Экология языка: концептуальные преобразования // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – Тюмень, 2011. – № 1. – С. 109–115.
- Давлетишина Д.К., Коровкина М.Е.* Интерпретационный фактор в переводе: методический аспект // Филологические науки в МГИМО. – 2021. – Т. 7, № 1(25). – С. 100–110. – DOI: 10.24833/2410-2423-2021-1-25-100-110
- Дрожжиц Н.В.* Экология языка и культуры: рекуррентность смысла // Экология языка на перекрестке наук : материалы Междунар. науч. конф. – Тюмень, 2011. – Ч. 1. – С. 29–34.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. – Москва : ЭТС, 2002. – 424 с.
- Коровкина М.Е.* Об интерпретационных и компетентностных факторах перевода // Вестн. Московского ун-та. Сер. 22: Теория перевода. – 2018. – № 3. – С. 17–30.
- Коровкина М.Е.* Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики) : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2017. – 241 с.
- Коровкина М.Е., Семенов А.Л., Еришов В.И.* Компетентностный подход к переводу специальных текстов // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 2(22). – С. 69–75. – DOI: 10.24833/2410-2423-2020-2-22-69-75

- Кушнина Л.В.* Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2004. – 32 с.
- Кушнина Л.В.* Перевод как синергетическая система // Вестн. Пермского ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2011. – Вып. 3(15). – С. 81–86.
- Кушнина Л.В.* Переводческое пространство как ментальная картина видения текста переводчиком-субъектом // Интерпретация текста: ментальное зеркало видения : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Ин-т междунар. связей, 2015. – Вып. 4. – С. 89–97.
- Кушнина Л.В., Плюснина Е.М.* Трактовка понятий «концепт» и «смысл» в свете экологии перевода // Русистика без границ. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 77–84.
- Кушнина Л.В., Пылаева Е.М.* Экология перевода: современные тенденции и подходы // Вестн. Пермского ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2014. – Вып. 2(26). – С. 70–76.
- Левина В.Н., Моховикова О.Ю.* К вопросу о разграничении терминов «эколингвистика» и «лингвоэкология» // Экология языка и речи : материалы V Международной научной конференции (3–5 ноября 2016 года). – Тамбов, 2016. – С. 48–50.
- Лефанов Д.С., Казакова Т.А.* Концепт «магическое» в хронотопах фэнтези: переводческий аспект // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, 14–15 мая 2021 г. – Ярославль, 2021. – С. 299–304.
- Мишуров Э.Н.* Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть I) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 22: Теория перевода. – Москва, 2015. – № 2. – С. 17–37.
- Мишуров Э.Н.* Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть II) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 22: Теория перевода. – Москва, 2017. – № 4. – С. 21–57.
- Мишуров Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 22: Теория перевода. – Москва, 2013а. – № 1. – С. 69–91.
- Мишуров Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть II) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 22: Теория перевода. – Москва, 2013б. – № 2. – С. 3–41.
- Нестерова Н.М.* Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Филология. – Томск, 2006. – № 291. – С. 235–238.
- Новикова М.Г.* Новые тенденции в современном переводоведении. Рецензия на монографию: Мишуров Э.Н. «Герменевтика перевода» (теоретико-методологический стандарт). – Москва : Военный институт, 2018. – 299 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – Москва, 2019. – Т. 23. – № 2. – С. 562–568. – DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-562-568.
- Прошина З.Г.* Переводческий анализ в свете экпереводоведения // Перевод и переводчики. Научный альманах. – Магадан, 2014. – Вып. 10 : Художественный перевод: наука и искусство. К 70-летию доктора филол. наук, проф. Р.Р. Чайковского. – С. 39–45.

- Прошина З.Г. Экопереводоведение как модель переводческой деятельности // Вестн. СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 100–109. – DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.408
- Пылаева Е.М. Проблема экологичности перевода // Иностранные языки в контексте культуры : межвузовский сборник статей по материалам конференций. – Пермь, 2011. – С. 343–347.
- Пылаева Е.М. Экоконцепт как отражение авторской интенции в поэтическом тексте // Иностранные языки в контексте культуры : межвузовский сборник статей по материалам конференций. – Пермь, 2012. – С. 197–206.
- Убоженко И.В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестн. СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – Санкт-Петербург, 2016. – № 4. – С. 122–141. – DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.410
- Убоженко И.В. Переводческое творчество и интуиция // Мир перевода. – 2014. – № 2(32). – С. 34–41.
- Убоженко И.В., Весник И.М. Творческие решения в художественном переводе: поиск адекватного эквивалента // Актуальные проблемы коммуникации. Язык и перевод : сборник статей по итогам I Международной научно-практической конференции, Москва, 16–19 апреля 2018 года. – Москва, 2019. – С. 111–115.
- Шань Н. Эколингвистика в преподавании перевода на переводческих факультетах // Иностранные языки в высшей школе. – 2020. – № 1 (52). – С. 57–64. DOI: 10.37724/RSU.2020.52.1.008
- Gambier Y. Rapid and radical changes in translation and Translation Studies // International Journal of Communication. – 2016. – N 10. – P. 887–906.
- Hu G. Translation as adaptation and selection // Perspectives : Studies in Translatology. – 2003. – Vol. 11(4). – P. 283–291.
- Lederer M. La traduction d'aujourd'hui. – Paris : Hachette, 1994. – 224 p.
- Steiner G. After Babel: aspects of language and translation. – Oxford : Oxford University Press ; London ; Glasgow, 1975. – 486 p.
- Ubozhenko I.V. Cognitive political discourse analysis: creative translation teaching case // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13 (3). – P. 363–374. DOI: 10.17516/1997-1370-0566
- Zanotti S. The translator and the author: two of a kind? // The Translator as Author. Perspectives on Literary Translation. – Siena, 2009. – P. 79–89.

References

- Belozyorova, N.N. (2011). Ekologiya yazyka: konceptual'nye preobrazovaniya. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities*, 1, 109–115.
- Davletshina, D.K., Korovkina, M.E. (2021). Interpretacionnyj faktor v perevode: Metodicheskij aspekt. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 7, 1(25), 100–110. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-1-25-100-110
- Drozhashchih, N.V. (2011). Ekologiya yazyka i kul'tury: rekurrentnost' smysla. In: *Ekologiya yazyka na perekrestke nauk* (pp. 29–34). Tyumen.

- Komissarov, V.N. (2002). *Sovremennoe perevodovedenie*. Moscow: ETS.
- Korovkina, M.E., Semenov, A.L., Ershov, V.I. (2020). Kompetentnostnyj podhod k perevodu special'nyh tekstov. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2(22), 69–75. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-2-22-69-75
- Korovkina, M.E. (2018). Ob interpretacionnyh i kompetentnostnyh faktorah perevoda. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 22: Teoriya perevoda*, 3, 17–30.
- Korovkina, M.E. (2017). *Teoreticheskie aspekty smyslovogo modelirovaniya special'nogo perevoda s rodnogo yazyka na inostrannyj (na materiale publicisticheskikh tekstov ekonomicheskoy tematiki)*. Unpublished doctoral dissertation. Moscow.
- Kushnina, L.V. (2004). *Vzaimodejstvie yazykov i kul'tur v perevodcheskom prostranstve: geshtal't-sinergeticheskij podhod*. Unpublished doctoral thesis. Chelyabinsk.
- Kushnina, L.V. (2011). Perevod kak sinergeticheskaya Sistema. *Vestn. Permskogo un-ta. Ser. «Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya»*, 3(15), 81–86.
- Kushnina, L.V. (2015). Perevodcheskoe prostranstvo kak mental'naya kartina videniya teksta perevodchikom-sub"ektom. *Interpretaciya teksta: mental'noe zerkalo videniya*, 4, 89–97.
- Kushnina, L.V., Plyusnina, E.M. (2018). Traktovka ponyatij «koncept» i «smysl» v svete ekologii perevoda. *Rusistika bez granic*, 2(4), 77–84.
- Kushnina, L.V., Pylaeva, E.M. (2014). Ekologiya perevoda: sovremennye tendencii i podhody. *Vestn. Permskogo un-ta. Ser. «Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya»*, 2(26), 70–76.
- Levina, V.N., Mohovikova, O.Yu. (2016). K voprosu o razgranichenii terminov «ekolinguvistika» i «lingvoekologiya». In: *Ekologiya yazyka i rechi* (pp. 48–50). Tambov.
- Lefanov, D.S., Kazakova, T.A. (2021). Koncept «magicheskoe» v hronotopah fentezi: perevodcheskij aspect. In: *Lingvodidaktika i lingvistika v vuze: tradicionnyye i innovacionnyye podhody: sbornik nauchnyh statej* (pp. 299–304). Yaroslavl.
- Mishkurov, E.N. (2015). Germenevtiko-perevodcheskij metodologicheskij standart v zerkale transdisciplinarnosti (chast' I). *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 2, 17–37.
- Mishkurov, E.N. (2017). Germenevtiko-perevodcheskij metodologicheskij standart v zerkale transdisciplinarnosti (chast' II). *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 4, 21–57.
- Mishkurov, E.N. (2013a). O «germenevticheskom povorote» v sovremennoj teorii i metodologii perevoda (chast' I). *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 22: Teoriya perevoda*, 1, 69–91.
- Mishkurov, E.N. (2013b). O «germenevticheskom povorote» v sovremennoj teorii i metodologii perevoda (chast' II). *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 2, 3–41.
- Nesterova, N.M. (2006). Nauka o perevode: germenevtika vs dekonstruktivizm. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Ser. Filologiya*, 291, 235–238.
- Novikova, M.G. (2019). Novye tendencii v sovremennom perevodovedenii. Recenziya na monografiyu: Mishkurov E.N. «Germenevtika perevoda» (teoretiko-metodologicheskij standart). Moskva: Voennyj institut, 2018. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*, 23(2), 562–568. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-2-562-568

- Proshina, Z.G. (2014). Perevodcheskij analiz v svete ekoperevodovedeniya. In: *Perevod i perevodchiki. Nauchnyj al'manah. Vyp. 10. Hudozhestvennyj perevod: nauka i iskusstvo. K 70-letiyu doktora filol. nauk, prof. R.R. Chajkovskogo* (pp. 39–45). Magadan.
- Proshina, Z.G. (2016). Ekoperevodovedenie kak model' perevodcheskoj deyatel'nosti. *Vestn. SPbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 4, 100–109. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.408
- Pylaeva, E.M. (2011). Problema ekologichnosti perevoda. In: *Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury : Mezhevuzovskij sbornik statej po materialam konferencij* (pp. 343–347). Perm.
- Pylaeva, E.M. (2012). Ekokoncept kak otrazhenie avtorskoj intencii v poeticheskom tekste. In: *Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury* (pp. 197–206). Perm.
- Ubozhenko, I.V. (2016). O kognitivnom modelirovanii intuiicii i tvorcestva v perevode: interpretativno-semioticheskij podhod. *Vestn. SPbGU. Ser. 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 4, 122–141. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.410
- Ubozhenko, I.V. (2014). Perevodcheskoe tvorcestvo i intuiiciya. *Mir perevoda*, 2(32), 34–41.
- Ubozhenko, I.V., Vesnik, I.M. (2019). Tvorcheskie resheniya v hudozhestvennom perevode: poisk adekvatnogo ekvivalenta. Aktual'nye problemy kommunikacii. In: *Yazyk i perevod* (pp. 111–115). Moscow.
- Shan', N. (2020). Ekotranslatologiya v prepodavanii perevoda na perevodcheskih fakul'tetah. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole*, 1(52), 57–64. DOI: 10.37724/RSU.2020.52.1.008
- Gambier, Y. (2016). Rapid and radical changes in translation and Translation Studies. *International Journal of Communication*, 10, 887–906.
- Hu, G. (2003). Translation as adaptation and selection. *Perspectives: Studies in Translatology*, 11(4), 283–291.
- Lederer, M. (1994). *La traduction d'aujourd'hui*. Paris: Hachette.
- Steiner, G. (1975). *After Babel: aspects of language and translation*. Oxford ; London ; Glasgow: Oxford University Press.
- Ubozhenko, I.V. (2020). Cognitive political discourse analysis: creative translation teaching case. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13(3), 363–374. DOI: 10.17516/1997-1370-0566
- Zanotti, S. (2009). The translator and the author: two of a kind? *The Translator as Author. Perspectives on Literary Translation*, 79–89.

Информация для авторов

Научный журнал «Этнопсихолингвистика» – это периодическое рецензируемое сетевое научное издание ИНИОН РАН.

Журнал учрежден в 2017 году. С 2021 года выходит четыре раза в год. Электронный адрес журнала в сети Интернет: <http://epl-inion.org>

Журнал индексируется в РИНЦ.

Полнотекстовый архив журнала размещается на платформе Научной электронной библиотеки: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=69764>

Рукописи направляются на электронный адрес редакции журнала: epl@inion.ru, eplingua@yandex.ru в электронном виде в формате *.doc, *.docx или загружаются в систему подачи рукописей на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/send.php>

К рассмотрению принимаются ранее не опубликованные (и не находящиеся на рассмотрении в других журналах, сборниках, материалах конференций) *исследовательские статьи* и *аналитические обзоры*.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование по модели «двойное слепое рецензирование». О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Все поступившие в редакцию журнала исследовательские статьи и аналитические обзоры проверяются на наличие плагиата.

Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку рукописи.

Исследовательские статьи и аналитические обзоры в журнале публикуются бесплатно.

Общий объем текста одной статьи (с учетом метаданных на русском и английском языках) не должен превышать 35 000 знаков.

Авторы материалов, успешно прошедших рецензирование и принятых к публикации, направляют в адрес редакции журнала подписанный акцепт. Лицензионное соглашение и бланк акцепта размещены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/legal.php>

Подробное описание процедуры работы над статьей, требования, предъявляемые к рукописям, тематика журнала, состав редакционной коллегии представлены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org>